

Матей Казаку
Дракула
Серия «Новая версия (Этерна)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094419
Дракула / Пер. с фр. В. И. Удовиченко: Этерна; Москва; 2011
ISBN 978-5-480-00195-7

Аннотация

Считается, что Дракула, князь вампиров Трансильвании, был перевоплощением реального воеводы родом из XV века. Где заканчивается история и начинается литература? Этот персонаж действительно существовал. Князь Валахии (Румынии) известен под именем Влада III Пронзителя, деяния его были как благочестивыми, так и жестокими, одновременно достойными определения рыцаря и предателя.

Среди многих произведений о нем эта книга – первая полная историческая биография. Для историков Дракула – одновременно смелый, дальновидный воевода и кровавый тиран; для писателей – загадочный вампир.

Кем же он был на самом деле: герой битв с турками, изощренный мучитель, зловещий вампир? Интерес, который он до сих пор вызывает у людей, доказывает, что Дракула все-таки сумел сделать то, чего все так опасались – он живет после смерти.

Содержание

Предисловие	7
Вступление	9
Глава первая	14
«Крепость на воде...»	14
Династия Басарабов	16
Мирча Старый	18
Оттоманская угроза	19
Валахия, цель торговая и стратегическая	20
Кризис наследования трона в 1420 году	21
Молодость Влада Дракула	23
Новое изгнание	24
Гостеприимная Трансильвания	26
Влад Дракул, защитник жителей Трансильвании	28
Наконец, Валашский трон	31
Глава вторая	32
Мирный договор с Мурадом II	32
Влад Дракул: ещё одна женитьба	35
Кампания Муарада II в Трансильванию, 1438 год	36
Владислав, король Венгрии и Польши	38
Янош Хуньяди, защитник трансильванской границы	39
Влад Дракул, пленник турков	40
Падение Варны	43
Кампания 1445 года на Дунае	45
Конфликт с Яношем Хуньяди и смерть Влада Дракула	47
Владислав II на троне Валахии	49
Глава третья	50
Детство в Трансильвании	51
Юношество в Валахии	54
Заложник в Оттоманской империи (1444–1448)	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Матей Казаку Дракула

Matei Cazacu. Dracula

© Tallandier Éditions, 2004

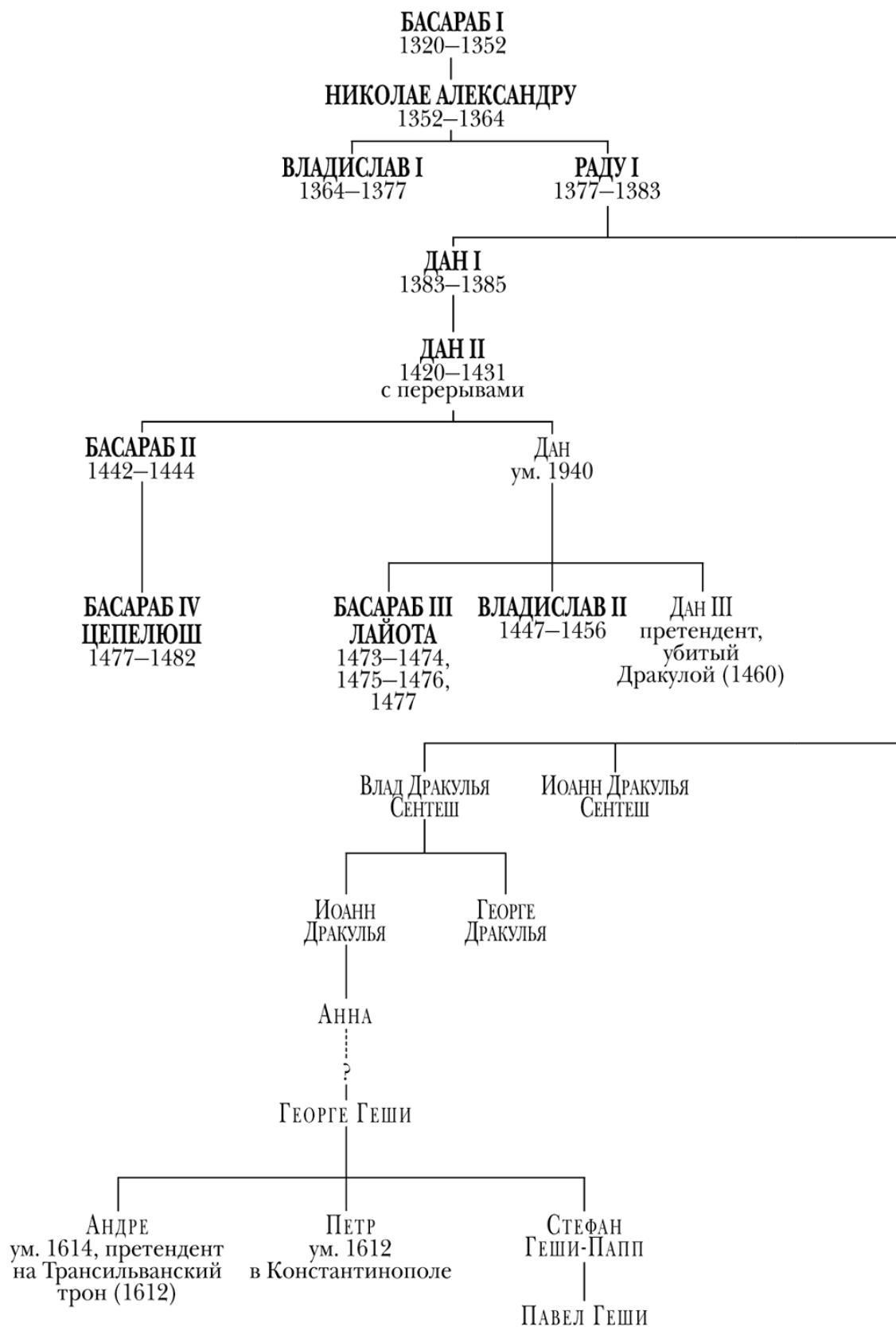
© В. И. Удовиченко, перевод на русский язык, 2011

© Палимпсест, 2011

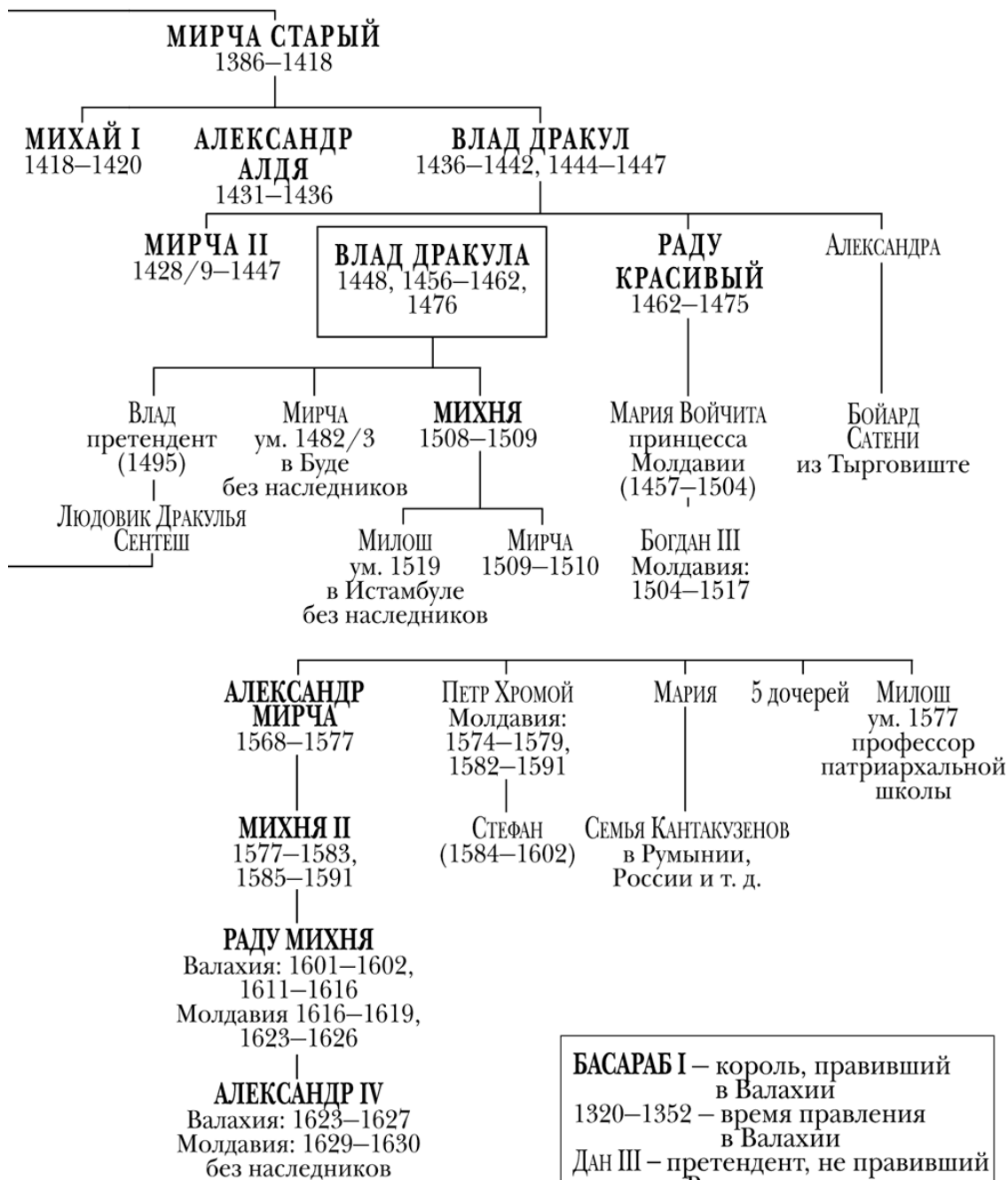
© ООО «Издательство «Этерна»

* * *

ВЛАД ДРАКУЛА И ДИНАСТИЯ БАСАРАБОВ (XIV–XVII вв.)

БАСАРАБ I – король, правивший в Валахии 1320–1352 – время правления в Валахии
Дан III – претендент, не правивший в Валахии 1509–1510 – претендовал на трон в Валахии

Предисловие

История этой книги началась почти сорок лет назад... Будучи студентом университета в Бухаресте, я защитил работу по теме *«Влад Пронзитель. Историческая монография»* (1909). Казалось бы, странная тема, но её мне посоветовал Константин Жиуреску (1901–1977), известнейший румынский историк того времени, который также руководил работой американца румынского происхождения Раду Флореску, получившего в Бухаресте стипендию Фулбрайта. Таким образом, мы составили группу интересующихся и занялись поисками следов средневекового графа Дракулы, в истории оставшегося под именем Пронзитель, а в литературе, благодаря Брэму Стокеру, – в образе вампира. Один из коллег Флореску, Раймон Макналли, специализировался именно на этом таинственном персонаже. Итак, мы проехали Румынию вдоль и поперёк, разыскивая следы нашего героя. Замки, монастыри, заброшенные церкви, деревушки, затерянные в Карпатах, немецкие города в Трансильвании – нами было исследовано решительно всё.

Самым сложным для «завоевания» оказался замок Дракулы. Сначала наше путешествие привело к одной крепости, которая на самом деле не имела к нему никакого отношения, во второй раз наш «дядя Георгиу» (дядя Раду Флореску) упал и повредил ногу, получив перелом шейки бедра (а ему тогда было 65 лет!). Казалось, третья попытка должна была оказаться самой удачной. Между тем по прибытии в замок Макналли парализовало настолько, что он оказался не в состоянии идти дальше. Я в шутку напомнил, что один из предков нашего Флореску, Винтила, в XV веке встал на сторону Влада Пронзителя. Было это в 1468 году, ровно за 500 лет до того, как мы отправились в Карпаты, а это могло грозить «проклятием»... Это так напугало Флореску, что теперь в каждую поездку он брал с собой маленькую икону. С другой стороны, одна знакомая как-то призналась мне, что в детстве молилась перед изображением Влада Пронзителя, словно перед святым. Что стояло за этим – может быть, влияние Чаушеску, который был весьма неравнодушен к личности Влада Пронзителя?

В 1970-х годах я оказался единственным специалистом по этой теме в нашей стране, так что Министерство туризма Румынии попросило меня написать текст, чтобы гиды могли использовать его в «туре Дракулы», который пользовался популярностью у западных туристов. С публикацией моей книги о первом правлении Влада в 1448 году моя слава была похоронена...

Однажды произошёл случай, когда я почувствовал настоящее «гостеприимство» Дракулы – в 1992 году в Париже. Тогда меня пригласили на частный показ фильма *«Dracula»* Фрэнсиса Форда Копполы в один из парижских кинотеатров. Мы с супругой вышли из дома под палящим солнцем, а когда до места оставалось несколько сот метров, обрушился такой ливень, что идти дальше просто не представлялось возможным. Каково же было наше удивление, когда мы увидели подобную сцену на экране: Дракула поднимает страшную бурю против охотников за вампирами. Видели бы это совпадение мои американские друзья, они ещё не так испугались бы!

Но вернёмся к истории книги. В 1971 году Флореску предложил мне написать в соавторстве работу о Дракуле. К сожалению, законы тогдашней коммунистической Румынии не позволяли такое сотрудничество, т. е. я должен был представить свою часть текста, а также всю книгу полностью цензуре при Генеральном комитете Коммунистической партии, которая имела право запретить публикацию и тем более её печать за границей. Они никогда бы не утвердили книгу о вампирах – так что вопрос был решён заранее. Поэтому я отказался, предоставив право писать работу моему американскому коллеге, что он и сделал. В 1972 году Флореску и Макналли опубликовали книгу *«В поисках Дракулы»*, переведённую теперь на многие языки. Я от души был рад, что она стала популярна во всём мире, а для себя

нашёл там огромное количество интересных фактов. Тем временем я уже уехал из Румынии и поступил в Парижскую национальную школу хартий. Казалось, Дракула был забыт надолго. По крайней мере, до того момента, пока профессор Анри-Жан Мартен не предложил мне сделать Дракулу предметом моей диссертации. Для неё я ограничился изучением произведений XV века на немецком, латинском, старославянском, русском, греческом языках, а позже нашёл материал и для докторской диссертации (1979), которая была опубликована в Практикуме Высшей Школы. Сократив её для публикации в два раза, в 1988 году я издал *«Историю князя Дракулы в центральной и восточной Европе (XV век)»*, где личность князя рассматривалась весьма поверхностно.

Но чем глубже я задумывался над этой темой, тем больше мне не нравилось, как другие авторы, да и я сам, подходили к ней. Мне казалось, что в процессе работы я сам нашёл или создал нескольких Дракул: валашского князя, тирана из немецких произведений, великого правителя из русских, князя-«революционера» от греческих поствизантийских историков и, наконец, вампира. Во время конференции 1987 года в Бостонском колледже я высказал эту идею, которая дала Флореску и Макналли материал для публикации книги *«Дракула, многоликий князь...»*.

Такой подход оказался правильным, но сам я в силу обстоятельств отдалился от этой темы. В 1989 году румынская революция свергла Чаушеску. Как мне думалось, появившаяся свобода выражения мыслей заставит учёных обратиться к этой теме, но, увы, мои коллеги предпочли анализировать последние сто лет коммунистической истории страны. Наверное, я продолжал бы сомневаться, если бы, как всегда, не пришло решение извне: мне предложили написать книгу, которая стала бы первой реальной биографией Дракулы. Идею я воспринял с большим энтузиазмом и вскоре принялся за работу, анализируя свои исследования за сорок лет.

Работал я с удовольствием, надеюсь не зря, не потому, что этого требовала тематика, а потому, что сюжет был действительно мне близок, мы с ним оказались «на одной волне». Честно говоря, я всегда испытывал сочувствие к таким отверженным историками персонажам, и особенно к мрачной истории Дракулы.

Я не призываю воспевать его или защищать от обвинений, ставящих его в ряд с величайшими тиранами истории. В этой книге читатель найдёт наиболее точный образ средневекового князя, но невероятно разнообразный, показывающий всю сложность политической и дипломатической ситуации в то время. Мы оставим все штампы и клише, когда человека нужно записать хорошим или плохим, верующим или еретиком, трусом или смелым, задумчивым или взрывным. Именно книга о Владе Дракуле напомнит, что биограф должен относиться к герою снисходительно, так же как читатель к произведению.

М. К.

июнь, 2004

Вступление

В середине июня 1463 года внимание всей Европы было привлечено к городку Винер Нойштадт – любимой резиденции короля Фредерика III Габсбурга (1440–1493) в пятидесяти километрах от Вены. Конная делегация в три тысячи человек прибыла из Венгрии, чтобы заключить мир между императором и его непримиримым противником, молодым королём Матиашом Корвином. Эта война между двумя правителями длилась уже пять лет, причиной её стало соперничество за венгерскую корону. После смерти Ладисласа Постума в 1457 году Фредерик III, его наставник, частью знати был провозглашён королём Венгрии. Они пытались удержать свою страну в составе империи, другая же сторона избрала своего «национального» короля, пятнадцатилетнего Матиаша, сына Яноша Хуньяди. Тогда Фредерик III сражался против короля Богемии Георга Подебрада, который обвинялся в сочувствии еретикам-гуситам¹. Император стремился удержать оба эти государства в своём владении, т. к. они были богаты серебром и полезными ископаемыми. Тем не менее короли не очень радовались такой перспективе: вот уже в течение ста лет империя использовала все полезные ископаемые этих стран. Фредерик III же напоминал им свой девиз, который даже был выгравирован на всей его посуде: «*Austriæ est imperare omni universo*» («Австрия есть империя над миром»). А между тем молодой Матиаш очень достойно противостоял императору, и это неудивительно – он имел благородное происхождение. Отец его принадлежал к валашской (румынской) знати Трансильвании, которая была одновременно одной из богатейших венгерских провинций, поэтому часто страдала от чужеземных набегов. Янош Хуньяди, отец Матиаша, был урождённым Янко (*Iancu, Ianko*) из Хунедоары и служил у герцога Миланского Филиппо Мария Висконти, где обучился мастерству ведения войны, заключил брак с венгеркой благородного происхождения, тем самым упрочив своё положение, и вскоре стал регентом королевства и воеводой (правителем) Трансильвании при малолетнем Ладисласе Постуме (1444–1456). Будучи, кроме всего прочего, хорошим полководцем, Янош Хуньяди успешно защищал страну от оттоманов, воюя даже на их территории. То побеждая, то проигрывая в войне, которая не прекращаясь длилась более четырнадцати лет, Хуньяди героически погиб в 1456 году вместе со святым Яношем Капистраном, защищая крепость Белграда (тогда венгерскую) от воинов Мехмеда II Завоевателя. Он оставил двух сыновей, старший был обвинён в заговоре и позже обезглавлен Ладисласом. Матиаш проявил себя лишь в юности: после смерти короля – как говорят, он был отравлен своей супругой, которая угостила его яблоком с отравленного ножа, – юноша был провозглашён королём. Но чтобы стать полноправным и законным королём, необходима была венгерская корона, а она находилась у императора. Корона была символом венгерского народа и состояла из двух диадем: первая была дарована папой Сильвестром II в 1000 году первому христианскому королю Венгрии, а вторая – впоследствии императором Византии, как символ единства стран. Настаивая на том, что корона должна быть у него, император заставил знать короновать его «маленьким валашским королём», сделав, таким образом, Валахию частью империи. Разразилась война, несмотря на протесты папы Пия II, которому не хватало войск для крестового похода против турок в 1459 году. В конце концов, после пяти лет безрезультатных битв, переговоров и интриг², воюющие стороны решили заключить мир. По договору император должен был

¹ Гуситы – последователи Яна Гуса (1369–1415), профессора богословия в Пражском университете, в Богемии. Гус встал против злоупотреблений римской церкви, был поборником древнего православия. Осуждён как еретик и сожжён на костре. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Король Польши также претендовал на венгерскую корону, надеясь повторить опыт Людовика Анжуйского, короля Венгрии (1342–1382) и Польши (1370–1382), а также его брата Владислава между 1440 и 1444 годами.

получить 80 000 золотых дукатов для выкупа короны, а Матиаш обязан был выказывать ему всяческое почтение, как «отцу». Оба государя должны были биться с общими врагами, а самое главное – корона должна вернуться к императору, если венгерский король умрёт без законных наследников, что и произошло³...

Такой была ситуация в июне 1463 года, когда венгры привезли выкуп в Винер Нойштадт. Император принял их не в Вене – столица была охвачена бунтом с апреля месяца. Его брат Альберт Габсбург, герцог Австрийский, собрал группу заговорщиков, прервал всякое сообщение и совершал грабительские набеги на окрестности городов Винер Нойштадт и Эденберг. Они дошли даже до того, что украли льняные рубашки... у императрицы Элеоноры Португальской! Несмотря на нестабильную ситуацию, Фредерик продолжал переговоры и выдвигал всё новые и новые требования. Стало очевидно, что без вмешательства папских представителей дело не решить: Рудольф Рюдершейм, настоятель Фрейзинга и Доменико де Доменичи ди Лука, и архиепископ де Торселло присутствовали при заключении договора 19 и 26 июля 1463 года. Тогда же были внесены деньги, и корона, наконец, передана Матиашу Корвину.

Появление венгерской армии на юге Вены стало главным событием 1463 года. Примерно тогда же, скорее всего тоже в Вене, была издана брошюра в 4–6 страниц, на первой странице украшенная портретом. Это было настоящей новинкой, типографское дело только начинало развиваться, ещё не была опубликована Библия Гутенберга, это произошло лишь в 1454 году⁴. Книга была озаглавлена «*История воеводы Дракулы*»...

Дракула – это прозвище князя Валахии Влада III, подданного короля Матиаша Корвина, которого король позже пленил в замке на берегу Дуная.

Откуда взялось это прозвище, до сих пор никому достоверно не известно, но большинство исследователей считают, что это воспоминание о его отце по прозвищу Дракул. Император Сигизмунд Люксембургский⁵ прозвал его Драконом, в 1408 году, когда он правил только Венгрией. Латинское «*draco*» дало румынскую форму «*drac*», что означает «дьявол». Так, Дракул – «дьявол», а Дракула – «сын дьявола». Другие исследователи предполагают, что прозвище Дракул, Дьявол, близко по смыслу к выражению «дьявол во плоти». В начале XIX века Уильям Уилкинсон, английский посланец в румынских странах, писал:

Дракула на валашском языке означает дьявола. С тех пор у валахов принято было называть так всех людей, прославившихся своей храбростью, жестокостью или же мастерством.

Анонимный автор убеждает нас, что это был человек, превосходящий своей жестокостью Ирода, Нерона, Диоклетиана⁶ и всех прочих тиранов и мучителей, которых знал мир. Простое перечисление пыток, какие учинял Дракула над людьми, своими подданными и «язычниками, евреями, христианами», турками, немцами, итальянцами, цыганами, не сможет оставить читателя равнодушным. Его излюбленный способ казни – посаждение на кол. Эта пытка родилась в Ассирии, но Владом III была «доведена до совершенства», но не для того, чтобы быстрее убивать⁷, а, наоборот, чтобы продолжать страдания как можно дольше.

³ Согласно польской интермедии (1490–1520) венгерская корона вернётся к Габсбургам, которые потеряют её лишь в 1918 году.

⁴ С 1454 года издательства печатали лишь религиозные книги и календарь сражений с турками.

⁵ Сигизмунд Люксембургский (1368–1437) – король Венгрии и Чехии.

⁶ Диоклетиан (284–305) – римский император. Выдающийся государственный деятель и реформатор. Но также известен как жестокий преследователь христиан.

⁷ См. восстановленную ситуацию в фильме Анджея Вайды «Пепел и алмаз».

Кол, вводимый через прямую кишку, не поражал жизненно важных органов, а выходил изо рта, не убивая человека. Оставленные таким образом жертвы умирали спустя два-три дня, а глаза их за это время поедали вороны. Автор рассказывал, что Дракула выставлял целый лес из таких колов прямо перед окнами своего дворца и наслаждался видом жертв. Кстати, по мнению князя, великие турецкие властители и паши заслуживали сидеть выше, чем другие, и обязательно на позолоченных колах! Добавляют также, что он любил трапезничать в тени от таких «лесов», беседуя с «приглашёнными» и выпивая за их здоровье.

Жестокий и беспощадный мир, видевший таких тиранов, как Эззелино Романский в XIII веке (50 тысяч жертв), Ферранте I Неапольский и Сигизмунд Малатест в XV веке или Мехмед II (873 тысячи жертв, если верить современникам), не может не впечатлиться «выдумками» Дракулы, которые описывались в той книге. Сажание на кол мужчин, женщин и детей тысячами (иногда женщин с младенцами на руках), кроме того, добавляет рассказчик, – 25 тысяч турок... Цыгане, преступившие законы, заживо варились в котле, а табор потом ел их... Беременной супруге князя вспороли живот, чтобы он мог увидеть, где находилось его дитя... Во время пира Дракула подавал знати раков, откормленных мозгами их родителей и друзей... Костры ждали всех лжецов и калек его страны... Он заставлял матерей есть своих детей изжаренными, а мужей – отрубленные груди своих жён...

Цинизм и ярость, с которой тиран мучил своих жертв, делает его в наших глазах ещё более зловещим. Когда его жертвы кричали от боли, он говорил: «Послушайте, как приятно, какие прекрасные звуки!» – или, глядя на пронзённых людей, провозглашал: «Как изящно и ритмично вы трясётесь!» Нищенствующим и лжецам, их он обычно сжигал, говорил, что хочет помочь им быстрее попасть на небо, чтобы они не страдали на земле. Если же кто-то осмеливался спросить, отчего он так жесток, Дракула отвечал, цитируя святого Петра, что правители посланы Богом на землю для того, чтобы наказать зло и наградить добро.

Этот рассказ о зверствах Дракулы был, без сомнения, пересказан при дворе Маттиаша Корвина, который, узнав об этих зверствах, захватил своего вассала в плен и бросил в тюрьму. Первый текст, написанный на латинском языке, был отправлен папе в Венецию, а также дошёл и до других князей. Он сохранился и до наших дней на немецком языке в четырёх различных рукописных копиях и был включён в несколько современных изданий. В 1463 году немецкий мейстерзингер Михаэль Бехайм собрал в Вене и Винер Нойштадте ещё другие рассказы и написал о деяниях валашского князя песню из 1070 строк. Начинается она так:

Из всех безумцев и всех тиранов, которых я знаю на этой земле,
живших с начала веков, худшего не видел мир.

Брошюра 1463 года была напечатана, вероятно всего, в Вене, переписана, адаптирована и перепечатана ещё раз, возможно, Ульриком Ханом между 1488 и 1560 годами в крупнейших немецких городах, начиная от Лейпцига и Гамбурга, заканчивая Страсбургом и Нюрнбергом. Все экземпляры воспроизводили портрет Дракулы или одну из сцен его жизни (обед среди пронзённых). В другой части Европы независимо от немецкого появился русский рассказ, известный с 1486 года, но он ни разу не был напечатан, хотя существуют по меньшей мере двадцать две рукописные копии. Дракула там предстает как очень жестокий, но справедливый правитель, защитник своей страны от турков, мудрый и просвещённый. Создавался некий прообраз Ивана Грозного, который, кстати, с большим интересом прочитал рассказ и позже использовал казни, изложенные там.

Греческие и турецкие историки, в свою очередь, тоже записали эти рассказы, добавляя детали, передававшиеся устно. Один греческий историк даже приписал Дракуле совершение настоящей революции в своей стране. Впрочем, это тоже часть его образа: задержим пока

это в памяти. Рассказы о деяниях этого персонажа дошли и до Франции, до Жана Бодена⁸, который по своему усмотрению ввёл их в свою «Республику» в 1576 году: «...странные злодеяния Дракулы, герцога Трансильванского».

Парадоксально, но в родной стране князя, Валахии, ныне южной части Румынии, воспоминания о его деяниях за последние века стёрлись. Даже официальные хроники Валахии, созданные в XVI веке и позже переписанные, едва упоминали кровавого князя. Остались лишь рассказы, не известные немецким, латинским и русским версиям, о его замке в Карпатах (замок Поэнари). Крестьяне семи окрестных деревень пользовались большими налоговыми льготами, т. к. охраняли подходы к стране и этот замок на границе Трансильвании. Воспоминания о князе дошли до наших дней благодаря тому, что он выстроил крепость, поражающую воображение – как тогда, так и сейчас.

Вновь вспомнили о Дракуле лишь в XIX веке, когда немецкие, венгерские и русские историки опубликовали свои книги и рассказы. Когда современные румынские исследователи обнаружили все эти тексты, то оказались перед дилеммой: князь, жестокий сверх всякой меры, между тем показал смелость и отвагу в битве с Мехмедом II Завоевателем. Герои события такого уровня не могли быть просто забыты. Что делать? Как совместить две стороны персонажа? В конце концов, после многочисленных сомнений, Дракула – а точнее, Влад Пронзитель – был записан в ряд национальных героев, которые защищали независимость Румынии, ставшую национальным государством в 1918 году, объединив Валахию, Молдавию и Трансильванию. Николае Чаушеску отметил 500-летие его смерти в 1976 году, и большое количество публикаций представляли его как великого реформатора, воина, князя строгого, но справедливого. Жестокости, которые ему приписываются, были «отменены» Чаушеску и объявлены клеветой врагов румынского народа. Однако появились и другие идеи: в 1972 году два американских историка, Раду Флореску и Раймонд Макналли, в Бостоне опубликовали работу «В поисках Дракулы». В этой книге они попытались соединить исторический персонаж Румынии (совершенно не известный на Западе) и князя-прародителя всех современных вампиров. Обессмерченный, если так можно выразиться, Брэмом Стокером в 1897 году, вампир Дракула, граф из Карпат, долго тревожил Британскую империю и весь мир, захватил библиотеки, театральные сцены и экраны Голливуда. Воплощённый на экране актёром Белой Лугоши (кстати, он был родом из Трансильвании), Лоном Чейни-младшим, Кристофером Ли и, наконец, Гэри Олдманом в фильме Фрэнсиса Форда Копполы, вампир определённо отбрасывал тень – даже если у вампиров её и нет! – на личность Влада Пронзителя. Именно поэтому Чаушеску, который знал о румынских верованиях в вампиров, запретил говорить о нём без повода. Несмотря на популярность этих верований в некоторых регионах, румынский лидер провозгласил, что вампиризм как явление не изучен и, что самое главное, Влад Пронзитель никогда не пил кровь себе подобных, даже если он и проливал её реками, даже если и обаграл свои руки кровью убитых врагов.

А между тем все эти верования существовали тогда и существуют сейчас в Румынии, как пишет в своей книге Иоана Андрееско «Куда ушли вампиры?», так же как они существовали на Балканах и в Греции, в Венгрии и Словакии, Богемии и Моравии, Украине и России. Именно в эту благодатную почву и посадил Брэм Стокер своё зерно. Во-первых, он сделал своего вампира восточным аристократом, он носит имя исторического персонажа, становясь, таким образом, «реинкарнацией» князя XV века, которому вряд ли была нужна «реклама» такого рода.

⁸ Боден, Жан (1530–1596) – французский политик, философ, правовед. Инквизиция запретила большинство его книг. Здесь имеется в виду работа «Шесть книг о республике» (1576).

Вампиризм интересовал людей уже с XVIII века, поскольку это вплетается в различные исследования явления смерти и сопутствующих ей обрядов, например погребение вне городов. Кроме того, существовал вопрос о медицинской фиксации смерти, за что выступали французские учёные, такие как анатом Жан-Бенинь Уинслоу (1669–1740) и его ученик Жан-Жак Брюнье д'Аблэнкур (1685–1756), произведение которого очень талантливо было восстановлено Клаудио Миланези.

Настоящая книга ставит своей целью, во-первых, создать портрет малоизвестного исторического персонажа, Влада III Пронзителя. Конечно, в связи с этим не будет забыт и тиран Дракула, который присутствует в латинских, немецких, русских и балканских рассказах. Они, правда, сосредотачиваются на политических и идеологических интересах, но мы постараемся этого избежать. Вампир Дракула также будет затронут как литературный и киноперсонаж с момента появления «Вампира Носферату» Мурнау до настоящего времени. В общем, герой и его время, тиран и его народ, вампир и тёмный мир.

Интерес к Дракуле возникает из-за того, что главными загадками человечества всё равно остаются жизнь после смерти, кровь как источник существования, одержимость жестокостью и насилием. Всё это присутствует в нашей жизни с тех пор, как люди начали хоронить людей и придумали сложные церемонии, призванные упокоить душу умершего и отправить её в путешествие, откуда нет возврата в мир живых...

Глава первая Образ жизни – изгнание

«Крепость на воде...»

Влад Дракула⁹ родился между 1429–1430 и 1436 годами, скорее всего, в городе Шэссбург, ныне известном как Сигишоара – немецкий город, расположенный в центре современной Румынии, в провинции Трансильвания. Впервые упоминание о городе появилось в 1280 году (под названием *Castrum Sex*), а в 1298 году уже появилась форма Шэссбург. Сигишоара, прозванная «саксонским Нюрнбергом», прославилась в 2003 году, когда Министерство туризма Румынии объявило о скором создании «Дракула-ленда» неподалёку, но в результате многочисленных протестов проект всё-таки был отклонён. В этом старинном городке XV–XVII веков сохранились все укрепления, городские стены, наблюдательные башни, узенькие улочки и дома того времени. В 1938 году Энциклопедия Румынии так описала его:

Представьте себе, что в глубине морских вод перед вашими глазами в лучах света предстаёт коралловый остров, Сигишоара. При взгляде на него действительно возникает иллюзия крепости на воде. Серые стены, оплетённые красным плющом, извилистые улочки, стройные башни в утренних цветах. Зелёные аллеи, которые опоясывают кладбище и средневековую часть города [...] неторопливые шаги теней, напоминающие игру морских кристаллов, мягкие всплески задумчивых волн [...] Тёмная и резкая саксонская архитектура [...] сосредоточена в острых углах башен и многоцветных домов [...] Природа Трансильвании великодушна, но очень непостоянна, окружила крепость лесами, словно пытаясь скрыть её за своей тёплой оградой, создавая необыкновенную гармонию между природой и человеком. Мягкие берега реки Тырнава ласкают подходы к городу лёгкими всплесками волн. Всё переполнено чувствами, призывающими полностью отдаться ритмам природы. Сигишоара кажется бесстрашной [...] Оставаясь чужой серому пейзажу лесов, окружающих её, Сигишоара ведёт свою аскетическую жизнь среди прямых линий готического стиля, устремлённых в бесконечность. Между тем утром город будто бы дрожит от прикосновений тумана, готового испариться в морской дымке.

Родной дом Дракулы, здание массивное и лишённое какой-либо грации, всё ещё стоит в старом городе (или в высоком городе), что доказывает памятная табличка, которая появилась в 1976 году. До этой даты дом был известен лишь тем, что служил монетным двором между 1433 и 1436 годами. Исследователи полагают, что Влад Пронзитель родился в период изгнания его отца в Трансильванию. Кроме того, известно, что в 1431–1436 годах основной доход Влад Дракула получал от чеканки монет в Сигишоаре. В любом случае, мы вполне можем предположить, что Дракул родился именно в этом доме, тем более что доказать обратное нет возможности.

Неизвестно, где жил отец Дракулы до февраля 1431 года – в Константинополе, тогда ещё принадлежавшем Византии, или же всё-таки в Трансильвании. Если Влад родился до 1431 года, то о месте его рождения нам остаётся только догадываться. Если же в период с

⁹ В начале жизни он подписывался просто «Влад», но начиная с 1475 года появилась форма Ладислаус Драглия – Ladislaus Dragwlya (или Dagkwlya, Drakulya), которая также выгравирована на его могиле. – Прим. авт.

1431-го до осени 1436 года – то, определённо, именно в этом доме в Сигишоаре. С осени 1436 года его отец правил Валахией, так что Влад вполне мог родиться там, если это произошло в конце 1436 года.

Нам также известно, что его старшему брату Мирче, первенцу в семье, в 1442 году было тринадцать или четырнадцать лет. Бургундский рыцарь Валеран де Ваврен подтверждает это в своём отчёте о пленении Влада Дракула турками в 1442 году:

[...] упомянутый господарь Валахии имел тогда одного сына, возрастом тринадцати или четырнадцати лет, который не был подготовлен к управлению таким государством.

Поскольку Мирча родился в 1428–1429 годах, мы можем вполне достоверно утверждать, что его брат Влад не мог родиться раньше 1429–1430 годов. С другой стороны, взойдя на трон Валахии, его отец провозгласил обоих своих сыновей «первенцами» в хартии, датированной 10 августа 1437 года. И это тоже говорит в пользу Сигишоары как места рождения Влада.

Династия Басарабов

Отца Дракулы звали также Владом, по прозвищу Дракул, «дьявол». Он был потомком правящих князей Валахии, Басарабов, по имени основателя государства и династии Басараба I, который правил с 1320 по 1352 год. *Басараб* – это исходно турецкое имя, означающее «воюющий, завоёвывающий отец». У отца Басараба также было турецкое имя, *Токомерий* (*Thcomerius*, иначе говоря, *Toktamir*, *Tok Temur* – твёрдое железо). Однако факт, что король Венгрии в одном из документов описывает Басараба как «румына», означает, что речь шла о прозвищах, принятых в румынском обществе в конце XIII века. В то время часть турецких племён (куманы) жила на территории нынешней Румынии.

О зарождении валашской династии мы знаем очень немного: самая древняя хроника рассказывает только об основателе государства, названного Чёрным Князем (*Negru Voda*), который в 1290–1291 годах скрывался на юге Карпат. Он оставил своё герцогство Фагараш (*Faragas*), известное также как Страна Олт (*Tara Otlului*) в южной Трансильвании. О причинах этого «переселения» хроникер XVI века не сообщает, мы же сейчас знаем, что герцогство, скорее всего, завоёванное своим прежним господином, было передано во владение благородному венгру Угринусу королём Андрашем III в 1291 году. Большинство жителей герцогства были румынами, герцог же (по-румынски *voievode*, «воевода», сокращённое от «вода»), тоже румын, вынужден был бежать и скрываться в Карпатах, нынешней Валахии. На этом закончился последний румынский политический строй в Трансильвании, где в разное время управляли представители трёх «национальностей» (в средневековом значении слова *natio* – благородные люди одной этнической группы) – венгры, саксонцы и секлеры.

В это время на юге Карпат несколько княжеств, объединившись, создали румынское государство *Tara Romaneasca*, или Валахию. Точно определить, когда началось объединение, невозможно, но завершил его Чёрный Князь вместе со своими сподвижниками, одним из которых был Басараб. За время своего почти тринадцатилетнего правления Басараб, князь региона под названием Мунтения (*Muntenia*, страна гор), смог присоединить ещё и восточные части Валахии до Дуная, а также вёл переговоры с западными землями, Олтенией (*Oltenia*), вероятнее всего, собирая дань с местных князей, ещё остававшихся автономными.

Объединённая таким образом страна располагалась на территории средних размеров – около 77 000 кв. километров, – но это искупалось её прекрасным геополитическим положением. Контролируя Дунай и прилегающие к нему территории, находясь на пересечении торговых путей из Азии в центральную Европу через Чёрное море и дорог с Балкан в Венгрию и Польшу, Валахия очень быстро утвердилась в статусе могущественного государства в этом регионе. Резкий взлёт, без сомнения, привёл к междоусобным войнам и анархии, которые терзали Венгерское королевство после затухания династии Арпадовичей (1301–1308). Возвращение мира в Венгрию состоялось после выборов в 1308 году короля Карла-Роберта (*Ca'Roberto*) из Анжуйской династии, оно означало, что Валахия становилась зависимой от своего сильного соседа. Карл-Роберт отныне нарёк Басараба «нашим воеводой», причём точный смысл этого выражения был не ясен. В 1330 году Басараб занял крепость Северин на Дунае, в Олтении, король в свою очередь тут же приказал покинуть её. Столкнувшись с отказом валашского князя повиноваться, Карл-Роберт предпринял военную кампанию, а своему вассалу пригрозил, что выведет его оттуда за бороду. Вскоре король завоевал Валахию, а хитрый Басараб сделал шаг навстречу: он подписал мирный договор, по которому отказывался от своих претензий и обязывался уплатить 7000 серебряных монет в качестве компенсации, сумму, эквивалентную 1,5 тонны серебра, 74 килограммам золота или 21 000 флоринов золота. Это обещание побудило короля Венгрии ретироваться, оставив своего буйного подданного на троне. Тем не менее свою резиденцию он решил перенести из Куртя-де-Арджеш

на Карпатские холмы. Между тем в одном из ущелий Карпат войска Басараба напали на венгерскую армию (9-11 ноября 1330 года), которая, попав в окружение, понесла серьёзные потери. Король спасся лишь благодаря тому, что ранее поменялся доспехами с одним из своих подданных. Благородные мужи, рыцари и епископы Венгрии погибли под стрелами и камнями валахов. Была утеряна даже золотая королевская печать, а остатки армии едва смогли найти убежище в Трансильвании. Итак, Басараб занял Олтению, которая позже досталась в удел его сыну, взошедшему на трон в 1342 году.

Конфликты между двумя государствами продолжились и при правлении сына и наследника Карла-Роберта, Людовика I Великого (1342–1382). Новый король поставил перед своим вассалом, пытавшимся вернуть себе автономию и переставшим платить дань и оказывать почести своему сюзерену, новые условия: теперь они основывались на западном феодальном праве. Со смертью Басараба в 1352 году его сын Николае-Александру продолжил политику отца, и это, безусловно, привело Людовика I в ярость. Король Венгрии утверждал, что лишь в его власти находится назначение воеводы Валахии, но Николае-Александру, возведённый на трон отцом и поддержанный знатью, отрицал это и принимал только выбор своей страны. Возник новый конфликт, но борьба за наследование Неаполитанского королевства и война с Венецией за Далматское побережье (1356–1358) вынудили Людовика I рассредоточить свои войска, а Николае-Александру воспользоваться затишьем в своих целях. В 1359 году он обратился к константинопольскому патриарху за разрешением создать в Валахии центр архиепископства: Константинополь в Средние века был альтернативным источником закона в Европе. Патриарх даровал валашскому князю статус автократа, что согласовывалось с созданием института Церкви и получением его страной названия *метрополии*. Таким образом, Валахия вошла в мир восточного христианства (православия) и сделала выбор, который многое предопределил.

В тот же год другой румынский князь, сбежавший из северной Трансильвании, изгнал молдавского воеводу, верного подданного Людовика I, и, как ни странно, смог удержаться на троне, несмотря на войну с венгерским королём. Переворот откликнулся и на юге Дуная, в Сербии и Болгарии: венгерский король отныне довольствовался клятвой верности со стороны своих вассалов. На деле эта система давала псевдонезависимость от Венгрии, наподобие ситуации с Бургундским герцогством во времена Карла Смелого по отношению к Людовику XI. И тем не менее всякий раз, когда менялся князь в Валахии, Людовик I, а позже его преемник Сигизмунд Люксембургский (1387–1437), пытался высказать свои предпочтения в назначении новых князей. Теперь их титул назывался как «воевода и господарь» (*voievod si domn* румынском и *dux et dominus* на латыни), т. е. герцог, глава войска и князь в одном лице.

Все эти клятвы и требования были пустыми словами вплоть до воцарения Мирчи Старого (*Cel Baltran*, 1386–1418), деда Влада Дракулы. Что же касается Венгрии, то после смерти Людовика I её снова сотряс кризис.

Мирча Старый

Вне всякого сомнения, Мирча Старый – один из самых значительных валахских князей XV века, несмотря на то что его правление ознаменовалось усилением власти турок на Балканском полуострове. Они объявились на территории Европы в период между 1347 и 1354 годами: в этом им поспособствовали ослабление Балканских стран и увеличение количества воинов мусульманского вероисповедания из Малой Азии (*ghazis*), которые с молниеносной скоростью завоевывали территории Византии, Сербии и Болгарии. В 1389 году после победы над Косово они подчинили себе большую часть сербского государства, а спустя семь лет и Болгария стала провинцией Османской империи. Таким образом, они стали непосредственными соседями Валахии и Молдавии, теперь их отделял только Дунай. В это же время, в 1396 году, христианские войска бургундцев и французов потерпели поражение под Никоподем. Французы гордо отказались от предложения Мирчи Старого напасть первым: он уже встречался с турками в 1394 и 1395 годах, а французская тяжёлая кавалерия, славившаяся своей силой и непобедимостью, всё-таки не смогла устоять перед лёгкой турецкой армией, которая разбила их и обратила в бегство. Одна часть крестоносцев, отделившаяся от основной армии, была окружена и взята в плен. Те из воинов, кто не погиб, были отправлены в Среднюю Азию, для получения свободы им пришлось платить огромную дань. Баязет I (1389–1402) в это время продолжал осаду Константинополя (1392–1402), при этом угрожая Венгрии и Италии.

Оттоманская угроза

Оттоманская империя казалась непобедимой, пока не вмешалось одно непредвиденное обстоятельство. В 1402 году Тамерлан, монгольский хан, разгромил армию Баязета в битве при Ангоре (Анкаре) и взял в плен оттоманского хана. Казалось, империя рухнула, но близорукая политика Византии и других Балканских стран в сочетании с политикой торговых республик Генуи (союзницы турок) и Венеции спасла её. После десятка междоусобных войн между потомками Баязета трон в итоге достался Мехмеду I (1413–1421), решившему поступить так, как делал его отец: завоевать. В 1417 году султан собрал армию против Мирчи Валахского, который поддерживал его противников, и завладел провинцией Добруджа (*Dobrudja*), находящейся между низовьем Дуная и Чёрным морем. Потерпев поражение, Мирча был вынужден оставить провинцию и обязался платить оттоманам дань (*kharatch*). Спустя год князь Валахии умер. Он управлял страной в общей сложности тридцать два года и своим наследником оставил сына Михая (*Mihail*).

Итак, начиная с 1417 года Валахия платила дань туркам, но большая часть князей присягала венгерскому королю. Нам эта ситуация может показаться абсурдной, тем не менее она была совершенно нормальна для того времени: только выплачивая дань, можно было оставаться в мире с оттоманами. В то время исламская религия делила все христианские страны на «верные» (завоёванные) и «неверные» (те, которые предстояло завоевать). С последними могли быть лишь перемирия, абсолютного мира не могло быть в принципе. Страны, платившие дань, были «промежуточным» звеном, по мнению турок, временно не относящимися ни к одной из двух категорий. Пока сохранялось взаимопонимание, купцы и подданные Валахии могли свободно передвигаться по территории Оттоманской империи, покупать и продавать товары, конечно, заплатив таксу, называемую *gumruk* (от греческого, *kommerkion*, перешедшего в латынь, *commercium*) – от 2 % стоимости товара, взимаемой один раз при въезде или выезде из империи. Для сравнения, в XVII веке английские, голландские и французские торговцы платили 3 % единовременно при въезде или выезде из империи. Принимая во внимание размеры Оттоманской империи, нельзя сказать, что налог был чрезмерно высоким (3000 золотых дукатов). Вспомним ситуацию в средневековой Франции, где налоги платили при въезде, при выезде, в каждом городе, в каждом владении, на каждом мосту! Однажды было рассчитано, что товары, отправляемые из Руана по Луаре в Нант, подвергались обложению налогами семьдесят четыре раза!

В случае с Валахией большая часть княжеского богатства составлялась из доходов от налогов на товары, которые были в обращении между Оттоманской империей и Трансильванией. Устойчивое перемирие с турками подразумевало обретение надёжных международных торговых путей. Это совершенно не значило, что Валахия попадала в непосредственную зависимость от султана. Древние пакты между турками и валахами, до наших дней не дошедшие, использовали понятия вроде «друзья наших друзей и враги наших врагов». Таким образом, валахским князьям пришлось бы тщательно выбирать союзников только в случае войны между Оттоманской империей и Венгрией. Именно это они и сделали, более или менее удачно...

Валахия, цель торговая и стратегическая

В 1417 году Валахию ещё можно было назвать процветающей. Мирча создал и укрепил поселения на Дунае в главных его точках. Выделить среди них можно Джурджу, в шести-десяти километрах южнее Бухареста, она стоила целое состояние: за каждый камень замка, заложенного в этом месте, князь заплатил сумму, сравнимую со стоимостью стокилограммовой соляной глыбы, настолько редким был этот материал¹⁰. Построенная на острове посреди Дуная крепость была столь мощной и стратегически важной, что сын Мирчи Старого, Влад Дракул, в 1445 году сказал, что для защиты от турок достаточно женщин, вооружённых веретенами¹¹. В тот же год Валеран де Ваврен описал её:

Но острове Джурджу стоял мощный и сильный замок, обнесённый по периметру стенами, в углу каждой стены находилась высокая квадратная башня, самая меньшая из них была гораздо крепче и выше башен замка Туркуан. К реке спускались два небольших ограждения, которые окружали замок и доходили до берегов упомянутой реки, а в конце их также были две башни, они стояли параллельно другим [...] Все башни были очень массивные, высотой более двадцати четырёх футов (восемь метров).

Население страны увеличивалось, и международная торговля приносила всё большие доходы в казну. За пределами Валахии князь получили владения в герцогстве Фагараши и соседнем Амласе, на юге Трансильвании, которые в 1365 году Людовик Анжуйский пожаловал своему валашскому вассалу.

Древний генуэзский торговый город Килия в устье Дуная (на него претендовала Молдавия), дунайский порт Брэила, самый важный во всей стране вплоть до южной Трансильвании, и город Брашов (Кронштадт), где жили немцы, могли облагать платой за хранение и перевозку товаров, эту привилегию им даровал Людовик Анжуйский. Немного восточнее, на территории южной Трансильвании, был саксонский город Сибиу (*Hermannstadt*), последняя точка дороги, ведущей из Салоников в Никополь на Дунае через Серр и Софию. Таким образом, Валахия подтверждала свою роль «хранительницы» сердца торговых путей, соединявших Азию и Чёрное море. По этим дорогам трансильванские, валашские, восточные (турецкие и балканские) купцы, а также генуэзцы и венецианцы везли пряности и восточные шелка, которые меняли на сукно, бархат и кованные изделия на западе.

¹⁰ Влад Дракул говорил, что «нет в упомянутой церкви ни камня, который стоил бы меньше соляной глыбы...». — *Прим. авт.*

¹¹ Если бы я мог вновь овладеть всей землёй, которой владел мой отец, то достаточно было бы женщин с веретенами, чтобы завоевать Грецию. — *Прим. авт.*

Кризис наследования трона в 1420 году

Правление Михая I длилось всего два года. В апреле-мае 1420 года турецкая армия напала на Валахию, и Михай в битве за княжество погиб. В будущем двум последующим правителям тоже была уготована такая судьба. На его место Мехмед I посадил другого сына Мирчи Старого, на этот раз незаконного. Это вмешательство с его стороны было не первым, но в этот раз оно сыграло важную роль в дальнейшей истории страны и династии¹².

До этого момента наследование трона проводилось по двум принципам: древний из них давал право решения правящему князю (носил титул Великого Воеводы), и трон передавался старшему сыну, который, возможно, был воеводой Олтении. Так было в случае с Басарабом I и его сыном Николас-Александром в 1342-м и Мирчей Старым и его сыном Михаем в 1391 году. Между этими двумя датами наследование происходило иначе – по принципу братства, как вышло с Даном I и Мирчей Старым в 1385 году. Неожиданная гибель Дана во время конфликта с болгарами сделала Мирчу единственным правящим, пока он не возвёл на трон своего сына. Таким образом, он лишил права наследования детей Дана, что, безусловно, вызвало их недовольство. В 1395 году, пользуясь отсутствием Мирчи Валашского (он скрывался в Трансильвании после поражения от турок), сын Дана по имени Влад провозгласил себя воеводой (Влад I), но правил лишь в Олтении, на западе страны. Влада, который выступал против союза своей страны с Венгрией, поддерживал Баязет I, османский султан.

Итак, начиная с 1420 года трон страны стал причиной многочисленных войн между потомками Дана I и Мирчи, они тоже звались Дракулами (*Draculesti* на румынском). Первые опирались на помощь венгерского короля и его благородных подданных, которые спешили уверить в своей верности князей Валахии, т. к. в их власти были подходы к Карпатам. Вторым же помогали турки, имевшие предмостные укрепления, крепкие замки, регулярную армию. Была ещё и наёмная армия – «гонцы и поджигатели» (*akingis*), которые платили дань и приносили её скотом, рабами и т. д.¹³ Аристократия страны, составлявшая правящую верхушку, тоже разделилась. Те, чьи поместья находились ближе к Дунаю, тяготели к турецкому покровительству, потому что боялись разрушения своих замков. Те же, кто предпочёл прикарпатские холмы, обычно торговали с трансильванскими городами и, конечно, поддерживали князей, назначенных королём Венгрии. Однако, взойдя на трон с помощью турков, князь тут же понял, насколько важно доброе соседство с Трансильванией, и поторопился заключить договоры о торговле и дружбе с саксонскими городами Брашовым и Сибиу. Таким образом, Валахия могла играть роль посредника между Балканским полуостровом и центральной Европой. Сложности стали возникать, когда турецкие группировки начали совершать набеги на Трансильванию. В таких случаях валашский князь чаще всего предпочитал вести двойную игру: присоединялся к туркам, но заранее предупреждал трансильванцев о набегах. Кроме того, османские султаны взяли за правило брать заложников в качестве

¹² 27 июля король Польши писал Сигизмунду Люксембургскому, что турки, «налетевшие как смерч, разорили и полностью овладели Валахией, пройдя через всё огнём и мечом, стирая деревни с лица земли, убивая и грабя. Они всё подчинили себе и, потребовав клятву верности, захотели ещё большую дань и подарки». – *Прим. авт.*

¹³ По этому поводу есть свидетельства папы Пия II (Энеа Сильвио Пикколомини), умершего в 1464 году: «Среди валахов есть две группы: сторонники Дана и Дракула. Последние, более слабые, постоянно утверждали, что притесняются сторонниками Дана, призывали турков на помощь и благодаря им подавляли сторонников Дана почти полностью. Те же просили о поддержке Яноша Хуняди, который в то время правил венграми, он не вернул им их добра, но завоевал славу и известность. Вырывая земли Дана у турков, он занял их и сохранил за собой и своими сторонниками». Это подтверждает хороший знаток этой ситуации архиепископ Николаус Олахус (1493–1568), потомок валашского княжеского рода. Он пишет в своём произведении *Hungaria* (1536): «Со времён наших предков и до этих дней в нашей стране две семьи одного происхождения: Даны и Дракулы [...] Среди них выбирают законных князей с помощью нашего короля [Венгрии] или же с помощью султана Турции». – *Прим. авт.*

гарантии верности Валахии: один или несколько сыновей князя и знатных людей отправлялись в Бруссу или Адрианополь¹⁴, позже в Стамбул и воспитывались там по турецким обычаям¹⁵. Короли Венгрии переняли эту практику с XIV века. В таких нелёгких условиях Валахия показывала истинный «талант канатоходца».

¹⁴ *Брусса*, Бурса, Прюза – главный город турецкого вилайета Ходывендикьяр (Малая Азия) у подошвы Олимпа, 30 км от Мраморного моря. Некогда резиденция вифинских царей и до завоевания Адрианополя главный город Османского царства.

¹⁵ Наиболее древний случай относится к 1432 году, когда Берtrandрон де ля Брокьер, бургундский путешественник, видел в Бруссе «около двадцати добрых людей, валахов, которые были залогом за упомянутую страну Валахию». – *Прим. авт.*

Молодость Влада Дракула

Влад Дракул также провёл часть своего детства в заточении, но историки называют разные места его пребывания: Буда¹⁶ или Адрианополь. В 1423 году император Сигизмунд Люксембургский утверждал в своём письме, что сын Мирчи, князь Валахии, «воспитанный при нашем дворе», сбежал из Буды и пытался вернуться в Польшу, скорее всего для того, чтобы собрать войско и завоевать трон своего родителя. Беглец был пойман графом Ужвара в крепости на границе с Галлией и силой привезён к императору, который тогда покровительствовал другому валашскому князю. По мнению историков, бегцом и был Влад Дракул, несмотря на то что в письме Сигизмунда его называют «Лайконо» (*Laykono*). В этом случае речь могла идти о румынском имени Влайку (*Vlaicu*), от сербского Влайко (*Vlajko*), производной форме от Влада, Владислава или Владимира. Византийские историки того времени Дукас и Халкокондил¹⁷, единственные, кто способен хоть немного пролить на это свет, пишут, что Дракул был при дворе Мурада II в то время, когда последний в 1422-м держал осаду города Константинополя (ещё византийского). Однажды ночью юный князь покинул оттоманский лагерь и отправился в столицу, где император Иоанн VIII Палеолог позволил ему сесть на галеру, которая шла в его страну. Там он совершил попытку завоевать власть, но большого успеха не достиг: претендентов на трон, поддерживаемых и турками, и венграми, было много. В результате Влад был вынужден укрыться в Трансильвании, а позже предстал перед Сигизмундом Люксембургским, доверившим ему оборону южной Трансильвании от турок. Влад ждал своего часа¹⁸, и он настал в 1431 году, когда делегация купцов приехала в Нюрнберг и обратилась к императору с просьбой назвать нового князя после Дана II. Последний, кстати, не умирал, но вполне возможно, что влиятельные мужи больше не хотели его правления. Такими сведениями мы располагаем о жизни Влада Дракула до 1431 года. Следующие события мы можем изложить лишь вкратце: воспитанный при дворе в Буде, куда его отправил отец между 1359 и 1418 годами, Влад уезжает попытать счастья к королю Польши – точно время неизвестно, но это был примерно 1423 год. Вернувшись в Буду, он позже покидает Венгрию и отправляется к туркам ко двору Мурада II, вместе с ним он завоёвывает Константинополь, Валахию и, наконец, Трансильванию. В результате ему поручают охранять границу Венгрии от набегов турок – поручение не особенно серьёзное и ответственное, поскольку в 1429 году Сигизмунд заключил мирный договор (а точнее, перемирие на три года) с Мурадом II, а тот воспользовался случаем и оккупировал Салоники, большой торговый порт в Греции.

Нужно сказать, что Влад Дракул не очень доверял императору: в Валахии у него был верный вассал и хороший воин в лице правившего князя Дана II, сына Дана I, а значит, двоюродного брата Влада. Будучи на троне с 1422 года, Дан II не переставал воевать с турками и их союзником Раду Лысым (*Praznaglava*), периодически нанося им, с помощью венгров, серьёзные и кровавые поражения. Положение Влада стало ещё более неустойчивым, потому что князь Молдавии, который занял крепость Килиа на Дунае, собирался идти войной на турок и Раду Лысого. Таким образом, между 1422 и 1429 годами на берегах Дуная были серьёзные противостояния, а битвы проходили на территории Валахии и Сербии.

¹⁶ Буда – венгерский город на правом берегу Дуная.

¹⁷ Халкокондил, Лаоник (ок. 1423 или ок. 1430 – ок. 1490) – византийский историк. В своих «Историях» (10 книг) описал события 1298–1463 годов, особенно подробно – падение Византии и возвышение Османской империи. Труд содержит ценные сведения о народах Южной и Восточной Европы.

¹⁸ В декабре 1430-го или январе 1431 года Влад Дракул написал боярам Брашова: «Вы знаете, что государь поручил мне охрану этой границы, так что без моего на то согласия мира с Валахией у вас не будет. Кроме того, вы слышали, что я подчиняюсь императору». – *Прим. авт.*

Новое изгнание

Многие писатели, историки и дипломаты того времени подмечали непостоянство жителей Валахии. Едва успев выбрать князя, они уже смещали его. Нужно сказать, что их немного оправдывало то, что предложение сильно превышало спрос: у всех валахских князей были незаконные дети (у Мирчи больше, чем у остальных!), к ним присоединялись и законные наследники обеих ветвей династии, и все они претендовали на трон, меняясь союзниками и принося клятвы верности всем сразу. Рассмотрим вердикт, вынесенный им сто лет спустя знатоком Антуаном Веранжичем (1504–1573), помощником короля, епископом Трансильвании, уроженцем далматской семьи:

У румын трон наследовали и законные, и незаконные дети в равной степени. Боярам было разрешено иметь две или три супруги, знатым и того больше, а воеводам можно было иметь столько, сколько они захотят. И даже если одну из них они называли супругой, дарили титул княгини и выделяли её среди прочих, то любили и её детей, и других детей своих сожительниц. [...] и все дети признавались законными и достойными наследства. Случалось так, что все эти дети воевод, особенно в Валахии, начинали проливать кровь друг друга: как только один из них приходил к власти, все, кто был с ним связан, будь то брат или любой другой родственник, бежали за границу как можно дальше, чтобы остаться в живых. Все, кто был пойман, убивались победителем, а если вдруг у победителя проявлялось человеколюбие, то беглецу, по крайней мере, отрубали нос, отмечая таким образом, что он был лишён возможности править на троне своего отца.

или ещё:

Иногда эти князья признавались королём Венгрии, который иногда назначал их сам или возвращал тех, кого прежде изгнали [...] Перед лицом короля эти князья клялись в верности и обещали ежегодно платить дань: ведь в течение очень долгого времени они были под покровительством, даже в зависимости от Венгрии. Часто, вспомнив о былом могуществе, они снова пытались захватить трон и поднимали бунт. Это происходило в Валахии во времена правления Карла (Роберта), Людовика (Великого) и Сигизмунда (Люксембургского), т. к. валахи ненавидели венгерскую власть [...] Валахи имели обыкновение убивать почти всех своих князей, открыто или тайно. Было чудом, когда кому-то из них удавалось править три года или кто-то умирал на троне своей смертью. Иногда в течение двух лет в Валахии сменялось два или три князя. Но никто не обращал внимания, что избрание князем практически приравнивалось к неминуемой смерти: честь быть князем настолько сводила с ума, что если бы претендентам было суждено править лишь один день, то нашлась бы тысяча охотников на это место. И даже если бы всех убили, то тысяча других пришла бы им на смену, уверенных, что у них будет прекрасная жизнь и спокойная, счастливая смерть только после того, как они взойдут на трон. Какая страстная жажда славы у этого варварского народа!

Вернёмся к Владу Дракулу в 1431 году. Его изгнание, казалось, подходило к концу, поскольку Сигизмунд Люксембургский, король Венгрии и император Германский, короновал его князем Валахии в Нюрнберге, а также принял его в два ордена: Ладисласа и Дра-

кона. Последний орден был создан Сигизмундом для того, чтобы окружить себя людьми особенными, приближёнными к его персоне: сначала наподобие венгерского ордена 1408 года, потом – императорского германского. В него входили всего три иностранных суверена: король Польши, деспот Сербии и Влад Дракул. Члены его должны были носить знак ордена: дракона, раздавленного крестом, на котором была надпись «*O, quam misericors est Deus*», а на маленькой перекладине креста – «*Puis et justus*»¹⁹, а позже «*Justus et pacience*»²⁰.

По пятницам члены ордена должны были носить чёрную одежду и помогать вдовам и сиротам умерших членов ордена. Вне сомнения, принятие Влада Дракула в этот орден было самой высокой наградой, которую когда-либо получал валахский князь от германского правителя, что означало его вхождение в ограниченный круг союзников и близких Сигизмунда.

8 февраля 1431 года Влад уже был известен как князь Валахии, поскольку он утвердил привилегию, дарующую монахам-францисканцам свободное исповедание католической религии в своей стране²¹. Таким образом, мы можем предположить, что князь крестился в католичество, нарушив тем самым принадлежность валахских князей к православной церкви Константинополя.

И всё-таки ситуация была не столь простой. По прибытии в Валахию Влад узнаёт новость о смерти – теперь уже подтверждённую – Дана II в битве с турками. Последние поддерживали на троне одного из незаконных сыновей Мирчи Старого, Алдя (румынская форма имени *Aldo, Aude*), который взял имя Александр в честь своего защитника, князя Александра Доброго, Молдавского. Последний был подданным Польши, но перешёл на другую сторону и теперь поддерживал Сигизмунда Люксембургского, рыцарей Тевтонского и Литовского орденов в их конфликте с Польшей.

Эта ситуация не очень устраивала Влада Дракула, поскольку его сюзерен не мог или не желал снова участвовать в делах Валахии, он и так был задействован на двух фронтах: против Польши на востоке и гуситов на западе. В тех условиях Влад должен был довольствоваться защитой на южных границах Трансильвании. Таким образом, он остановился в Сигишоаре. Император уступил ему своё право на чеканку монет. Монетный двор в то время был важнейшим источником доходов, поскольку венгерские деньги часто обесценивались²².

¹⁹ «О, как милосерден Господь» (лат.).

²⁰ «Оправданно и мирно» (лат.).

²¹ Полностью опубликовано в *Documenta Romaniae historica (DRH)*: Влад Дракул носит привычный титул (милостью Божьей, князь Валахии, герцог Амласа и Фагараша) и называет Сигизмунда «наш истинный господин [...] при дворе которого мы теперь находимся для очень важных дел». – *Прим. авт.*

²² Монетный двор в Сигишоаре был седьмым из существовавших в Трансильвании к тому времени. Наиболее древним был Клу (1333), Сибиу (1336), Орадеа, Вая Маре и Липова (все в 1338) и Брашова (1427–1430). – *Прим. авт.*

Гостеприимная Трансильвания

Трансильвания сыграла решающую роль в жизни отца Дракулы. Этот регион, с 1918 года являющийся частью Румынии, находится на площади 102 200 кв. километров. Будучи центром древнего королевства Даков, в 106 году после Рождества Христова она была оккупирована Римом и названа Дакией. Местное население, состоящее в основном из даков, кельтов и германцев, быстро приняло латынь и дало начало дако-румынам, которые ассимилировались с переселенцами, особенно славянами, – в результате сформировалась румынская нация и язык.

Начиная с 896 года в Паннонии, на западе страны, селятся венгры. С этого времени началось мирное и военное проникновение их в Дакию по рекам, которые с трансильванской равнины впадали в Тизу. Баржи, ходившие по этим рекам, доставляли на запад и юг соль, одно из главных богатств Трансильвании наряду с золотом и серебром, деревом и углём. Для венгров, разводящих крупный скот, зелёная равнина была основным богатством страны, так что регион назывался тогда «*terra ultra-silvana*», «страна за лесами», отсюда и пошло название Трансильвания. Дакия быстро исчезла из памяти, и вспомнили о ней лишь гуманисты в эпоху Возрождения.

Проведя под гнётом три века, Венгрия всё-таки смогла захватить большую часть провинции, но, поскольку население было маленьким, династия Арпадовичей (896–1301) вынуждена была привлечь чужеземцев на свою территорию, чтобы обрабатывать земли и защищать границы. На восточной границе, у Карпат, обосновались секлеры (*sikules*), группа финно-угорских племён, родственных венграм. Они быстро ассимилировались и обратились в католическую веру. Для обработки золотых и серебряных шахт, а также для защиты границ по Южным Карпатам венгерский король призвал поселенцев из региона Рейна, Мозеля и Люксембурга, которые вместе со своими арендодателями селились в этих местах и создавали первые города страны. Они пользовались саксонским правом Магдебурга, как и при германской колонизации в Восточной Европе, так что неудивительно, что «фламандские гости» (*hospites flandrenses*) позаимствовали название саксонского народа, *Sachsen*, в свой язык: румын и славян они называли *Sasi*.

Во главе провинции стоял герцог или воевода, славянский термин, который стали использовать и румыны. Сама административная единица состояла из более мелких частей различного происхождения: венгерских *comitats* на территории «королевства» на востоке и в центре; семи саксонских *Stuhle* на юге и севере и двух районов Брашова и Бистрицы, восьми *Szek* секлеров на западе. *Stuhle* и *Szek*, переводящиеся как «место и стул», обозначали юридические и административные центры каждой нации.

Наравне с этими административными единицами Трансильвания сохранила румынские воеводаты и княжества, из которых важнейшими были Фагараш и Хацег на юге, Марамуру на севере. Короли новой анжуйской династии из Неаполя (1308–1387), следуя предложению своих соперников, упразднили традиционные привилегии румынской знати, у кого не было королевских грамот. Таким образом, румынская знать была приравнена к рядовым, свободным владельцам аллодов, а их древние владения были преобразованы в венгерские *comitats* и саксонские *Stuhle*. Некоторые румынские князья и воеводы принимали католичество, чтобы таким образом сохранить свои привилегии. Другие же предпочитали уехать в Валахию или Молдавию.

Но вернёмся к тому, что нас сейчас интересует больше, – семь саксонских *Stuhle* (от них происходит немецкое название Трансильвании – *Siebenburgen*²³, семь городов) и ещё два

²³ На самом деле было по меньшей мере десять городов. – Прим. авт.

района Брашова и Бистрицы. Самыми важными на юге Трансильвании являются Кронштадт (румынский Брашов), Херманнштадт (Сибиу), Броос (Орешти), Мульбах (Себеш) и Шэсбург (Сигишоара). Все эти города, а особенно Кронштадт и Херманнштадт, находящиеся близко к границе с Валахией, были очень выгодно расположены для торговли, как с юга, так и с севера. Их расцвет пришёлся на XIV век, когда они получили привилегию хранения товаров (*Stapelrecht*): торговцы, направляющиеся с юга провинции, были вынуждены хотя бы один раз останавливаться на месяц в одном или двух городах, где следовало продать свой товар в первую очередь богатым саксонцам. С другой стороны, продавцы из Кронштадта с 1358 года получили привилегию свободно передвигаться со своими товарами по дорогам, ведущим вниз по Дунаю к Чёрному морю через территорию Валахии. Без сомнения, всё это явилось следствием отношений между венгерскими королями и валашскими князьями. Главенство венгров аргументировалось порядком чеканки монет: первые валашские князья всегда ориентировались на венгерские деньги. Такая ситуация продолжалась с 1365 по 1452 год, а её последствия серьёзно повлияли на экономику Валахии, подверженную влиянию колебаний курса и обесцениванию венгерских монет. Каждое понижение венгерской монеты влекло за собой уменьшение налога на ценные металлы (серебро), а в том случае, если курс монеты оставался неизменным, жители Валахии теряли на обмене старых монет на новые. Помимо этого, обесцененные монеты не принимались по номинальной стоимости на Балканах и в Османской империи, а ценились лишь по количеству веса драгоценного металла, который в них содержался. Поскольку валашские князья старались установить более высокий курс своих монет по отношению к обесцененным венгерским, власти Трансильвании, где было ещё несколько монетных дворов, протестовали наряду с королём. Он угрожал отомстить румынам, например отобрать две трансильванские вотчины – Фарагаш и Амлас, которые находились между Брашовым и Сибиу – или же поставить другого князя: среди многих претендентов, укрывавшихся в саксонских городах, было из кого выбрать. Между тем принудительное обесценивание валашской монеты влекло за собой потери в торговле с другими странами.

Саксонские города Трансильвании считались очень успешными, так что спекуляция монетами процветала. К этому ещё добавлялась проблема беглецов – претендентов на валашский трон, бояр и купцов, которые искали убежище в Трансильвании. Все попытки князей Тырговиште (столица Валахии в XV–XVI веках) выслать или изгнать этих надоедливых гостей заканчивались неудачами – слишком гостеприимны и свободолюбивы были местные жители – саксонцы. Конечно, если речь не шла об угрозе жизни или о материальной выгоде и вознаграждениях.

Таким образом, в течение нескольких лет Влад Дракул жил в Сигишоаре, оставаясь в полной безопасности, и планировал свержение своего более удачливого соперника Александра Алдя, который отнял у него трон в 1431 году и заручился поддержкой Венгрии и Молдавии. Кстати, Сигишоара находилась на расстоянии в двести километров от границы с Валахией – быстрее чем за неделю преодолеть его было нельзя.

Влад Дракул, защитник жителей Трансильвании

Источником дохода для Влада Дракула во время пребывания в Сигишоаре стал монетный двор, выпускавший венгерские королевские монеты. Была ли его жизнь спокойной? Нет, слова «спокойствие» для него не существовало. Его обязанность защищать южные границы Трансильвании подразумевала, что он должен был создать и организовать целую сеть агентов и доносчиков, они следили бы за торговыми путями в Валахию и докладывали обо всех передвижениях турок по Дунаю. Наблюдение за опасным соседом было возобновлено с 1395 года – даты первого оттоманского набега на юг Трансильвании. Несколько лет спустя, в 1420-м, турки выбрали другой маршрут и пошли через юго-восток, чтобы завернуть в Броос (Орэшти), который они полностью разрушили, а Сибиу, несмотря на осаду, устоял. Богатые окрестные деревни были разрушены до основания, а их жители угнаны в рабство. В 1421 году был совершён особенно жестокий набег на город Бран, также были разорены пригороды Брашова и страны Барса (*Burzenland*). Сам же город Брашов был взят штурмом, купцы были вынуждены укрыться в крепости, чьи стены всё-таки устояли под турецким напором. Турки сожгли кварталы нижнего города, не спасли даже войска секлеров, призванных на помощь, – завоеватели быстро с ними расправились.

Попасть из Валахии в Трансильванию через юго-восток можно было тремя способами: через город Бран и по рекам Прахова и Телеажен. Все они выводили к Брашову – этим и объясняется столь частое общение между Владом Дракулом и муниципальным советом города. В одном из своих не датированных писем князь напоминал им, что купцы Брашова были освобождены от охраны «гор и высоких равнин» (на румынском *plai*). Эти места охранялись воинами Влада, которые «проливали за вас свою кровь».

Защита сыграла определённую роль в период между Днём святого Георгия (23 апреля) и Днём святого Дмитрия (26 октября), эти даты почти совпали с завершением оттоманских набегов. Накал страстей был максимальным, Влад Дракул тоже находился в самом центре событий, среди своей армии. В ноябре ситуация немного успокоилась, выпал снег, блокировал дороги и этим затруднил передвижение кавалерии, а кроме того, начались сложности с продовольственными запасами. Сюрпризов никто не ждал, тем не менее в конце марта 1421-го, воспользовавшись преждевременным таянием снега, турки напали. Удивительно, но дороги, по которым можно было попасть в Трансильванию, были чуть шире горных троп. Полтора века спустя молодой французский юрист Пьер Лескалопье так описал одну из таких дорог:

В тот же день мы раз двадцать или двадцать пять переходили реку, такую глубокую, что лошадям иногда приходилось плыть. Повозки [...] были в воде до середины колёс; чтобы не намочнуть, я поднялся на крышу и увидел, что ноги лошадей были наполовину мокрые. В двадцать четвёртый день июня (1574) мы переходили другую реку у подножия первой горы Трансильвании. Позже мы проходили упомянутую выше в том месте, где пороги её были сложными и проходили через лес. На вершине горы, на стенах замка мы увидели охрану границ Трансильвании. Подходов в замок не было, так что мам приходилось подниматься по лестницам.

Другой же путь, пролежавший вдоль реки Праховы, был таким узким, что по нему едва могла пройти лошадь – лишь в 1789 году дорогу немного расширили. Наконец, третья дорога, по Телеажену, самая западная, поднималась в горы на высоту в 1460 метров. Очевидец XVII века рассказывал, что турки ползли по ней на чевевереньках ради того, чтобы попасть в Трансильванию!

Второй «официальной» обязанностью Влада Дракула было содержание монетного двора в Сигишоаре. Если сначала князь собрался было обосноваться в Брашове, где между 1427 и 1430 годами уже существовал свой монетный двор, то муниципальный совет был категорически против, опасаясь, что воевода не очень любил Валахию. Кроме того, саксонские купцы пригрозили, что лишат его всех возможных доходов от монетного двора, и даже хотели запретить ему приезжать в Брашов. Однако очередное нападение оттоманов в 1432 году заставило их отказаться от этой затеи. Эта кампания стала настоящей трагедией для города.

В июне 1431 года турки вошли в Валахию и разгромили войско Дана II, сам князь без вести пропал в битве. Его место занял новый правитель Александр I Алдя, а уже 14 июня он издал первый указ. Заключив союзные договоры одновременно с Сигизмундом Люксембургским и князем Молдавским, Александр отказался платить дань оттоманам. Их реакция не заставила себя долго ждать: последовал новый поход, в результате чего были завоёваны крепости Джурджу и Турну на берегу рек Олт и Дунай. В конце концов князь был вынужден отправиться в оттоманскую столицу Адрианополь, чтобы заключить новый договор с Мурадом II, по которому обязывался платить дань. В качестве залога он оставил султану сыновей знатных людей страны, подтверждая этим верность Валахии. В обмен на это новый князь получил возможность вернуться обратно вместе с тремя тысячами пленных. Кроме того, князь должен был предоставить турецкой армии транзит и сопровождение через территорию Валахии до границы с Трансильванией, турки собирались её разграбить.

Жители Трансильвании, впервые оказавшись в такой ситуации и не ожидавшие такого поступка, обвинили князя Валахии в измене. Александр Алдя пытался оправдаться, отправив боярам города Брашова открытое письмо с подробностями произошедшего.

Вы сочли, что мы забыли об обещаниях Королю [Венгрии] и подчиняемся туркам... Это не так, на самом деле мы честно и верно служим Королю и его Святой Короне, моля Бога, чтобы он посетил нас. Мы встретили бы его с почестями, а тому, кто клеветает на нас... пусть псы осквернят его мать и жену!

Я пошёл против своей воли, содействуя туркам ради того, чтобы вернуть мир в страну, и сейчас мы живём в мире. Вам я отправил три тысячи рабов, а вы говорите, что я вознамерился вместе с турками грабить страну Короля. Господь Бог не позволит мне сотворить такое, а всю свою жизнь, сколько мне отведено, я буду служить Королю и христианам, как и клялся.

Но жители Трансильвании всё-таки волновались за свою безопасность, в то время как Александр Алдя, в свою очередь, боялся оккупации своей страны и превращения её в часть оттоманской территории. Он возлагал серьёзные надежды на поход Сигизмунда против турок, в котором собирался принять участие. В одиночку император нападать не решился бы, поскольку уже потерпел от них поражение в 1428 году, кроме того, участвовал в открытии Церковного собора в Базеле, войне против Польши и гуситов в Богемии.

В 1432 году истёк трёхлетний договор между Мурадом II и Сигизмундом. Император, увлечённый своими завоеваниями в центральной Европе, просто забыл продлить его, а султан, воспользовавшись этим, отдал приказ идти в поход на Трансильванию через Валахию. Александр Алдя поспешил уведомить бояр Брашова об опасности и провозгласил сбор армии. В письме от 1432 года он объясняет свой план действий:

Знайте, что [оттоманская] армия насчитывает 74 000 человек, но они не все опытные воины, многие из них молодые люди, женщины и дети. Они не знают, как обращаться с оружием, и хороших бойцов среди них – меньше

половины [...] Пусть Ваше Величество знает, что турки разрушили мою страну после того, как дали клятву верности. И пусть Ваша Светлость знает, что эта армия идёт против Трансильвании, и я буду в их числе, [...] совестью моей и милостью Божьей. Как только ваша армия выйдет навстречу [туркам], так я покину их. Часто я видел обман с их стороны, хочу ответить им той же монетой. И клянусь Богом, ни одного живого не оставлю.

План валашского князя провалился, не успев начаться. Турки разделили свои войска на три группы, которые порознь отправились в богатые саксонские города и деревни. Каково же было их удивление, когда там оказались группы трансильванских войск, поддерживаемые валахами. Часть турецких войск отправилась на завоевание Молдавии, а уже 22 июня 1432 года была обращена в бегство. Оставшихся поймали рыцари Тевтонского ордена: Сигизмунд доверил им охрану придунайской территории между Венгрией, Сербией и западной Валахией. О выдающейся роли воинов Влада Дракула в этом походе ничего не известно, но совершенно точно, что он сам сражался против завоевателей²⁴.

Вопреки опасениям трансильванцев, 1433 год прошёл спокойно.

Осенью 1434 года Сигизмунд Люксембургский вернулся из Венгрии и начал серьёзную подготовку к битве с турками. Он располагал весьма серьёзным козырем претендентом на оттоманский трон в лице Мурада Давида Селеби, племянника султана Мурада II. Сигизмунд надеялся использовать его для того, чтобы переманить на свою сторону тех, кто недоволен политикой султана. Никогда этому не суждено закончиться...

²⁴ Александр Алдя нашёл время и отправился на Совет в Базеле, который состоялся между 1431 и 1437 годами. 11 октября 1433 года прибыл Сигизмунд Люксембургский, и накануне Рождества «герцог Валахии, брат турков» привёз роскошные подарки императору и кардиналам. – *Прим. авт.*

Наконец, Валашский трон

В конце концов Александр Алдя умер от болезни в 1436 году. Валашский трон остался свободным – вот когда наступил звёздный час Влада Дракула. Доносчики предупредили его вовремя, и он успел заручиться поддержкой Сигизмунда, который даже предложил трансильванцам поддержать его. Влад переговорил с одним из наиболее влиятельных бояр и в сентябре перешёл Карпаты. Первое время его подавляли турецкие беи (правители), но вскоре он заставил себя уважать, издав 24 января 1437 года хартию, где провозгласил себя «автократом», «великим воеводой и господином, правящим на территории всей Венгровалахии (Валахия соседствовала с Венгрией), и герцогом других территорий, Фагараша и Амласа»²⁵.

Изгнания закончились, Влад Дракул обрёл, наконец, трон. Можно было бы вспомнить по этому поводу слова византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1425): «Лишь выйдя из детского возраста, не став ещё мужем, я увидел жизнь, состоящую из страданий и зла; но это позволило мне понять, что прошлое всегда спокойнее, чем будущее». Эти слова, впрочем, относятся как к отцу, правителю, так и к его детям, Мирче и Владу...

²⁵ Речь идёт об акте от 20 января 1437 года, сохранившемся только в венгерском варианте, предположительно от XVIII века. Помимо прочего, Влад называет себя «Помазанник Божий». – *Прим. авт.*

Глава вторая Князь и его сыновья (1436–1448)

Мирный договор с Мурадом II

Восхождение Влада Дракула на трон, конечно, не обошлось без конфликтов. Новому князю пришлось столкнуться с набегами оттоманов, которые сопровождались грабежами, погромами и захватом в плен огромного количества людей, их потом продавали в рабство на рынках Адрианополя. 17 ноября 1436 года в Константинополе (тогда ещё византийском городе) узнали, что Влад Дракул платит дань туркам и вынужден заключить с ними мирный договор. Точный текст его нам неизвестен, но мы, тем не менее, знаем, что воевода обязывался приносить султану лично дань каждый год и, вполне вероятно, сопровождать оттоманские армии на территорию Трансильвании. Такой была цена за мир с соседом, военную силу и быстроту которого превзойти было невозможно. Влад Дракул прекрасно понимал все риски такой политики, знал, что Сигизмунд Люксембургский перед своей коронацией в Риме в 1433 году принёс клятву верности папе Евгению IV и обещал никогда не заключать мира с турками или «раскольниками» (православными). Соседние государства подозревали Влада в сговоре с турками, так что Дракул поспешил доказать им свою преданность и подтвердил в январе и августе 1437 года купцам Брашова их торговые привилегии в Валахии. Более того, он объявил своё намерение переместить монетный двор из Сигишоары в Брашов (он по-прежнему им владел), чтобы дать возможность местным жителям воспользоваться выгодами, однако многочисленные протесты знати Сигишоары разубедили его.

В это время Трансильванию сотрясло крестьянское восстание: им был охвачен северо-запад страны с апреля 1437-го по февраль 1438 года. Научившись тактике у гуситов, крепостные румынские и венгерские крестьяне успешно раздробили многочисленные армии. Причиной восстания были новые законы, касающиеся денег и налогов. Епископ Георг Лепеш хотел получать церковную десятину в новых монетах, а старые деньги получали чёткий курс – 10 % стоимости новой. Старые деньги изымались из оборота и становились недействительными, а тех, кто не повиновался этому закону, отлучали от церкви. Восстание длилось целый год, в результате чего была создана Дворянская Лига, союз Трёх наций (*Unio Trium nationum*: благородные венгры, саксонцы и секлеры), которые запретили крепостным брать в руки оружие и принимать участие в бунтах. Как ни странно, турки не торопились нападать, несмотря на все внутренние проблемы в Трансильвании.

Тем временем Влад Дракул вспомнил о своих обещаниях Мураду II, который весной 1437 года отправился в поход против турецкого эмира Карамании в Средней Азии. Византийский историк Дукас, современник событий, в своей хронике утверждал, что валахский воевода Дракул,

...перейдя проливы, встретился с султаном Мурадом в Бруссе. Павниц, подписал клятву подданства и обещал, что, как только Мурад решит отправиться в Венгрию, он предоставит ему возможность пройти через его территорию к немецким и русским границам. Мурада обрадовали эти обещания, он пригласил князя к столу, напоил, принял с почестями и одарил его самого и свиту из трёхсот персон. После того, поцеловав, опустил его.

Причиной такого поступка князя стало то, что Валахия не могла в одиночку противостоять туркам, своими набегами они нарушали спокойствие, экономическую и соци-

альную целостность страны. Сербия, будучи в подчинении у Венгрии, также попала под протекторат турок, а Георгий Бранкович (1427–1456), потерявший половину своей страны, вынужден был выдать свою дочь Мару замуж за Мурада II, чтобы спасти хотя бы остатки своего государства. Крестьянское восстание подкосило Трансильванию, показав несостоятельность правителя, который доживёт лишь до 9 декабря 1437 года, – это и стало поводом для заключения соглашения с оттоманами. Кроме того, отсутствие такого мирного договора фактически закрывало границы по Дунаю и лишало валашских и трансильванских торговцев возможности получать прибыль от рынка за пределами оттоманского государства. Мир с турками также отвечал интересам саксонских купцов Трансильвании, которые только через них могли сбывать ткани Фландрии, Колонии и Богемии и купить перец, шафран, хлопок и другие восточные продукты, например шёлк или верблюжью шерсть.

Знать, бояре и крестьянство Валахии поддерживали своего князя, так как лучше было заплатить туркам дань, чем восстанавливать разрушенную страну. Осев на берегу Дуная в Видине, Турну и Джурджу, турки были свободны в передвижении и могли напасть в любой момент. Они не нападали просто так: все вылазки были строго организованы и направлены на то, чтобы напугать местное христианское население и заполучить достаточное количество рабов для поставки на балканские и азиатские рынки. Молодой саксонский студент, известный под именем Георга из Венгрии, современник событий, до того как попасть в Рим, двадцать лет прожил в Оттоманской империи (1438–1458). В 1480 году он так описал события:

Кроме основной армии, турки располагают специальными войсками, около двадцати или тридцати тысяч, которые отличаются особым талантом бойцов, возглавляет их самый опытный воин, на дело они идут ночью. Этим людям позволено грабить раз в год, а иногда даже два или три раза. Происходит всё тайно, так тихо, что невозможно узнать, отправились ли они в путь. Определить это можно лишь одним способом, о котором будет рассказано дальше. Передвигались они верхом, превосходно управляли лошадьми. Путь их продолжался иногда неделями, но что удивительно, ни они сами, ни лошади не страдали от таких тяжёлых переходов. Когда они не занимались грабежами, всё время посвящали укреплению организма, питались специальным образом, заботились о лошадях, полнели и закаливались. Но когда они готовились в путь, за семь или восемь дней до назначенного дня они придерживались жёсткого режима: уменьшали количество еды и питья, таким образом, излишний вес исчезал, а накопленная масса оставалась. Перед походом воины досконально узнавали дорогу и нанимали одного или два проводников, достойных доверия, прекрасно знавших дорогу и все пути-выходы из той страны, куда они направлялись. Они передвигались так быстро, что за одну ночь преодолевали расстояние, на которое обычно уходило три или четыре дня – именно поэтому если кто и замечал их, то догнать не мог, и предупредить об их стремительном нападении было невозможно. Турки прекрасно знали характеры и возможности своих лошадей, прекрасно понимали натуру животных. [...]

Кроме того, они способны переносить зимние холода, летнюю жару, любые ненастья и непогоды, не знают ни страха, ни усталости, и что особенно удивительно, они не брали с собой ни еды, ни питья, ни оружия, ни одежды. Всё это могло помешать им в дороге, а обходиться малым они привыкли. Во время самых долгих путешествий захватчики не останавливались, пока какие-нибудь неосторожные не попадали в их

руки – этим они и довольствовались. Хочу отметить, что рассказы о них действительно невероятны. Если бы я сам, своими глазами не видел всего этого, если бы всё это не было подтверждено фактами, то я бы не поверил ни единому слову из услышанного. [...]

Можно себе представить, какой ужас они вызывали! Кажется, если бы люди были тверды, как железо или бриллианты, они и тогда не устояли бы... Как может защититься человек, увидев врага, который вырастал перед ним словно из-под земли, обнажив шпагу? Это звучит страшно, но гораздо кошмарнее было на самом деле – я всё видел своими глазами. Да и к чему всё это? Эти воины были способны убивать людей без оружия, парализовывать, даже не касаясь их, поражая только своим видом. [...]

Таким образом, одним махом они получали сразу две выгоды: турецкий султан получал людей, а дьявол – их души.

Источники XV и XVI веков приводят различные цифры, но факт остаётся фактом: набеги *akinjis* (термин, который можно перевести как «люди, ищущие приключений») терроризировали и разрушали христианские государства. Чтобы этого не произошло с его страной, Влад Дракул предпочёл заключить с султаном мир.

В результате всех этих договоров возникает вопрос: каким образом соотносились честность правителя и набеги турок на Трансильванию? Можно предположить, что Влад Дракул был возмущён пассивностью саксонцев, которые теперь спокойно укрывались за городскими стенами и просто наблюдали за грабежами оттоманских армий. Более того, Сигизмунд Люксембургский приказал оставить в Трансильвании по крайней мере одного (или двух) из сыновей Дана II: протекция правителя усиливала давление на валашского воеводу, его трон теперь находился под угрозой. В конце концов, правитель не мог или не хотел готовить Венгрию к войне с турками, и это стало дополнительным аргументом в пользу заключения мира в ожидании лучшего варианта.

Влад Дракул: ещё одна женитьба

Влад Дракул был вдовцом или, возможно, расстался со своей первой женой, матерью двух сыновей, Мирчи и Влада. Своей второй супругой он выбрал княжну молдавскую, которую предположительно звали Мариной, она была сестрой воевод Ильи и Стефана, вместе правивших Молдавией с 1432 года. Возможно, речь идёт о вдове Александра Алдя – такие союзы случались в истории Валахии. Княжна родила ему двоих детей – сына Раду в 1438/39 году и дочь Александру, а после смерти Влада постриглась в монахини, взяв имя Евпраксия. Заключив этот брак, Влад Дракул породнился с королём Польши Владиславом Ягелло, его супруга София была сестрой жены Ильи Молдавского. Этот союз укрепил престиж Влада Дракула и в своей стране, и за рубежом. После смерти Сигизмунда Люксембургского немецкая и венгерская корона перешла к Альберту Габсбургу, а часть чешской знати предложила корону Богемии брату польского короля, будущему Казимиру IV. Начинает вырисовываться механизм проникновения польской династии Ягелло в центральную Европу – и это станет несомненным козырем для Валахии и её князя.

Кампания Муарада II в Трансильванию, 1438 год

Новый правитель Альберт Габсбург (1438–1439), зять Сигизмунда, не принимал всерьёз угрозу со стороны турков. У него были другие заботы – польские войска вошли в Богемию. Именно поэтому 14 февраля 1438 года Альберт объявил верхушке Брашова, что поручил охрану города «нашему доблестному Владу, воеводе заальпийской страны». И ничего более, ничего о перемирии, ничего о недавних переговорах с султаном, который, прекрасно зная ситуацию внутри империи, счёл подходящим момент для уничтожения оставшегося деспотата Сербии (что он и сделал в 1438–1439 годах) и удара по Венгрии. Мурад II незамедлительно объявил свою цель – Буда, венгерская столица. Тем не менее его задержала погода: таяние снегов и обильные дожди наводнили реки, которые затопили равнины на юге Венгрии. Султан, возглавляя семидесяти– или восьмидесятитысячное войско²⁶, решил повернуть на запад и напал на Трансильванию. Битва длилась почти два месяца и стала самой разрушительной кампанией за всё время набегов оттоманов в эти места. Турки снова вошли в долину Муреш, разграбили и сожгли саксонские, румынские и венгерские города и деревни – даже десять лет спустя здесь ещё останутся заброшенные города и разрушенные церкви. Алба Юлия, будущая столица Трансильвании, была взята штурмом и разграблена. Сибиу восемь дней находился в осаде, а предместья Брашова турки сровняли с землёй. И нигде они не встречали сопротивления.

Владу Дракулу было поручено вести войска: человек «со смертью в сердце» (*timore mortis*), как он сам себя называл, прекрасно знал регион, поскольку должен был его охранять. Можно лишь поразиться его отношению к жителям города Себиш во время осады. Вот отрывок из рассказа одного из главных действующих лиц этого сражения, Георга из Венгрии, который на этот раз попал в плен:

В то время я был молодым человеком пятнадцати или шестнадцати лет, родился в той же провинции. Год тому назад я уехал из Ромоса в небольшой город под названием Себиш по-венгерски и Мульбах по-немецки. Городок был многолюдным, но чрезвычайно плохо укреплённым. Когда турки взяли его в осаду, князь Валахии, пришедший с турецкой армией, подошёл к стенам и, будучи в дружественных отношениях с жителями, позвал их и убедил не биться с турками, т. к. город не выстоит из-за плохого укрепления. Совет был таков: пусть жители тихо оставят город туркам, а он уведёт знатных и почётных горожан в свою страну, потом они смогут вернуться или остаться. Что же касается остальных жителей, то турки уведут их, но не причинят вреда, ни материального, ни физического, а в своей стране пожалуют им земли во владение, а когда наступит время, они смогут вернуться на родину или спокойно остаться жить там. И мы увидели, что всё произошло так, как он и обещал.

Тем не менее группа упрямцев решила укрыться в башне и сражаться насмерть. Георг из Венгрии находился среди них:

(Следующим) утром султан лично вошёл в ворота города и объявил, что индивидуально отметит каждого, кто выйдет вместе со своей семьёй, даст им сопровождение, отведёт их в его земли, не причиняя ни материального, ни физического вреда. Он также признал за Владом

²⁶ Согласно турецкому хроникеру Орудж бин Адилю, современнику событий, оттоманская армия насчитывала 30 000 воинов (эту цифру называет и Георг из Венгрии), и беи смачивали руки в крови христиан. – *Прим. авт.*

Дракулом право таким же образом забрать и отвести в свою страну часть горожан на тех же условиях.

Влад Дракул прекрасно знал оттоманский обычай уводить пленное христианское население в свою страну: возможность мирно вернуться уберегала жителей Себиша не только от уничтожения города и расхищения их имущества (к великому несчастью турецких воинов!), но и спасала им жизни. Двадцать лет пребывания в Турции убедили в этом и Георга из Венгрии:

(Турки) считали смерть одного человека страшной потерей. Именно поэтому султан, обладая огромной силой и возможностью захватывать огромное количество земель, предпочитал обходиться без убийств. Он брал людей живыми и заставлял платить дань (*djizya*) – это лучше, чем подчинять их силой и проливать кровь. Из этого следует, что они не хотели убивать людей и прибегали к силе только в том случае, когда в этом действительно была необходимость. Чаще же людей уводили по-доброму.

Эти свидетельства подтвердились и хартией Альберта Габсбурга, повелевавшей трансильванским боярам прийти на помощь знати Себиша, которые вернулись после своего заключения (вполне счастливого!) из Валахии. Только четверо остались в Валахии: священник и трое горожан, они обвинялись в измене за организацию капитуляции города. Очевидно, этот священник и несколько знатных людей вели переговоры о сдаче Калника (*Calnic*), другой уцелевшей саксонской крепости. Странное отношение священнослужителей к туркам объясняется тем, что те уважали свободу христианских городов, сдавшихся по доброй воле, но в то же время сравнивали с землёй и разоряли города и деревни, где встречали какое-либо противостояние.

Георг из Венгрии, единственный выживший в «дьявольской» башне (турки подожгли её, чтобы заставить сдаться осаждённых), был продан вместе со своими друзьями по несчастью на рынке рабов. Связанными друг с другом их отправили пешком в Адрианополь, где их снова продали на городском рынке.

После того как султан и его армия, уносящая громадное количество награбленного, отступили в конце 1438 года, на страну секлеров напали новые завоеватели и не получили никакого отпора.

Лишь в 1439 году новый правитель собрал достойную армию, чтобы сражаться с Мурадом II в Сербии, но снова безуспешно. 27 октября Альберт Габсбург умирает от дизентерии прямо в своём лагере. Его войско не смогло помешать взятию Смедерева (*Smeredevo*), последнего города, оставшегося от Сербского деспотата, который был похоронен вместе с независимостью государства более чем на четыре сотни лет.

Владислав, король Венгрии и Польши

Со смертью короля в Венгрии наступила анархия. Королева Елизавета, ожидавшая ребёнка, правила в течение трёх месяцев, родила сына Ладисласа Постума, он и должен был унаследовать корону. Была очевидна необходимость регентства, поэтому сторонники Елизаветы обратились к новому герцогу Австрии, Фредерику Габсбургу, который был избран королём в феврале 1440 года, а потом стал императором. Поскольку большинство венгерской знати вместо недавно родившегося ребёнка выбрало Владислава III, короля Польского (1434–1444), Елизавете нашла убежище в Вене, где вышла замуж за кузена императора из затухающей немецкой династии. Страна нуждалась прежде всего в энергичном правителе, который смог бы противостоять внешней угрозе. Владислав III (в Венгрии – I) только через три года войны подчинился императору Фредерику III. Последний был объявлен наставником маленького Ладисласа Постума, но очень быстро захватил священную корону Венгрии.

Владислав, объявленный королём Венгрии и Польши в Буде в январе 1440 года (хотя коронован он будет только в июле), решился воевать с турками без отлагательств, т. к. военные силы двух государств теперь объединились. В процессе борьбы с Фредериком III и его сторонниками Владислав пересмотрел метод защиты южных границ страны. Он вдохновился примером своих предшественников, правителей Польши – Литвы: столкнувшись с угрозой татар, они доверили регион, захваченный до татар великим герцогом Ольгердом Литовским в 1362 и 1363 годах, трём братьям из семьи Корятовичей с целью защиты и колонизации. В 1430 году, когда провинция была занята Польшей, король Владислав Ягелло назначил на трон трёх братьев – Михаила, Теодора и Михаила-Музило Бучацки, которые объединили в своих руках ту же политическую и военную власть, что и Корятовичи веком раньше.

Янош Хуньяди, защитник трансильванской границы

В 1440 году самой насущной проблемой для Венгрии стала защита границы со стороны Дуная, Савы и средних Карпат. Эта территория длиной более восьмисот километров выводила на запад к Хорватии и Словении, прямо «в руки» Фредерика III. Избранниками для этой тяжёлой задачи стали Миклош Уйлаки на западной границе и Янош Хуньяди (*Iancu de Hunedoara*), названный маркизом (*ban*) Северина и воеводой Трансильвании, – для восточной границы. На следующий год командование на средней границе объединилось, и два воина разделили титулы графа Темиша и воеводы Трансильвании. О последнем и пойдёт речь.

Янош Хуньяди (1404 или 1405–1456) происходил из благородной румынской семьи с юго-запада Трансильвании – там находилось владение Хунедоара (*Hunedoara* на румынском), которое получил его отец от императора Сигизмунда за заслуги в войне против турков (1409). Как и большинство благородных молодых людей, мечтавших о военной службе, Янош сначала служил под командованием флорентийского кондотьера Филиппо (*Pipo*) де Сcolari, графа д'Озора, уполномоченного защищать *banat* (рынок) Северина. Между 1431 и 1433 годами он перешёл в окружение герцога Филиппа Мария Висконти Миланского, а позже служил в непосредственной близости к Сигизмунду Люксембургскому и принимал участие в войне против гуситов в Богемии.

Защищая венгерские границы, в 1440 году Янош Хуньяди проявил себя в победоносной битве с турками в Боснии. Через год он успешно защищал Трансильванию, пользуясь внезапной болезнью Мурада II, и вместе с Миклошем Уйлаки провозгласил себя воеводой этого региона. Несмотря на протесты Влада Дракула, в октябре он отдал приказ боярам Брашова открыть в их городе монетный двор. В ноябре – декабре воеводы вернулись в Валахию. Достоверно известно, что венгерские представители требовали подчинения от князя Валахии и честной совместной борьбы с оттоманами.

А когда в 1442 году Хуньяди разгромил оттоманские войска под предводительством правителя Видины и Румелии Сехабедин-паши, добыча их была такой огромной, что францисканец Бартоломей де Яно написал:

От этой победы сами валахи и даже их пасторы, живущие рядом, обогатились, носили одежды только шёлковые или из золотого драпа. Даже турки были смущены их трофеями, столько с собой принесли.

Тот же францисканец описал реакцию султана, когда тот узнал о разгромах.

Как только он услышал об этом, как только уха его коснулась весть, он не умер, но облачился в знак траура в чёрные одежды и носил их три дня, ничего не пил и не ел, не говорил ничего, кроме одной фразы. «Пришло время, когда Аллах убрал меч из нашей руки», – сказал он, сорвав с головы убор и бросив его оземь.

Влад Дракул, пленник турков

Оправившись, Мурад II решил напасть на Валахию, чтобы всё-таки превратить её в османскую провинцию. Для Влада Дракула наступили тяжёлые времена: с одной стороны, он больше не мог обеспечить безопасность османской армии по договору и даже напал на турков после первого поражения 22 марта в Трансильвании. С другой стороны, для взаимодействия с Яношем Хуньяди нужно было быть более покорным. Между тем, заручившись поддержкой короля Венгрии, Хуньяди удалось посадить на валахский трон Басараба II, одного из сыновей Дана II, который скрывался в Трансильвании после смерти своего отца. Влад Дракул был побеждён, и пришлось снова искать расположение турков. В это же время с ним связался их посланник (*subachi* или *subasi*) из Джурджу, предложивший ему охранную грамоту от султана, и пригласил в Адрианополь, гарантируя сохранность жизни.

Несмотря на многочисленные советы отказаться от этой затеи, Влад Дракул принял предложение султана. Конечно, он не ожидал, что сможет отвоевать у Хуньяди свой трон, но по крайней мере надеялся на поддержку Мурада II. Сразу по прибытии в Адрианополь (июль – август 1442 года) Влад Дракул был представлен Мураду II и... заточён в темницу за измену.

Это настолько впечатлило современников, что каждый из них добавил что-то своё в рассказы: что князь был обезглавлен, что его бояре были лишены своих богатств, а их должности достались потом турецким подданным... Бросив Влада Дракула в тюрьму, Мурад II снова отправил в Валахию свою армию, надеясь поставить там своего наместника и напасть на Трансильванию. Тем не менее армия под предводительством правителя Румелии Сехабеддин-паши потерпела поражение от валахской и венгерской армий на реке Яломита 2 сентября 1442 года.

Потерпев это поражение, султан надел траур и решил поститься. Очень скоро Янош Хуньяди дал ему ещё один повод для этого: в сентябре 1443 года он снарядил отряд численностью около 35 000 человек, состоящий из благородных румынок Трансильвании и Баната, вместе с которыми сам пошёл против турков по их же собственной территории. Он увлёк за собой валахские войска и их князя Басараба II, а также личный состав военных сербского деспота Георгия Бранковича, скрывавшегося в Венгрии. «Долгая кампания», как её потом называли, длилась четыре месяца, с сентября 1443-го по январь 1444 года. Хуньяди одержал несколько побед над османами, которые никогда до этого не встречались с пешей армией в горах Балкан. Запоздалое вторжение объясняется тем, что на западной границе возникли проблемы: Фредерик III под давлением папы был вынужден заключить перемирие; непонятной была ситуация с вооружением венецианского флота, способного защитить проливы; противостояние внутри католической церкви, папа Евгений IV, с одной стороны, и кардиналы священного собора в Базеле и их антипапа Феликс V – с другой.

В конце концов, дойдя до заснеженных Балкан в январе 1444 года, Янош Хуньяди приказал отступить, план по разгрому турков был отложен на вторую половину года. 2 февраля он с триумфом вернулся в Буду, где сейм единодушно решил, что крестовый поход нужно продолжать.

Мурад II со своей стороны также не оставался бездействующим. Начиная с января 1444 года он выдвинул предложения по заключению перемирия на двадцать и даже тридцать лет, объявил о согласии восстановить сербский деспотат, даже предложил освободить многочисленных турецких пленников, среди которых был и Дракул. Осмотрительно предпо-

ложив, что альянс между Венгрией и Валахией станет очень опасным для турков, Мурад отпустил Влада Дракула из заточения в Галлиполи²⁷,

которому сказал, что хочет жить в мире и согласии, если Влад Дракул письменно пообещает не идти войной ни против него, ни против его подданных. Тогда он обещает вернуть его живым и здоровым на родину. А если и пойдёт на него войной, то поможет после возместить все утраты. А господарь Валахии, которого он держал в заточении в течение четырёх лет (на самом деле – меньше двух), где он страдал от горестей и болезней, согласился со всем, что требовал Великий Султан, а чтобы полностью успокоить его, написал всё, что тот просил. Таким образом, султан вернул князя Валахии сохранным в свою страну, где тот был принят с честью, весело и богато, как много страдавший.

Возвращение Влада Дракула в Валахию вместе с оттоманами не было пустой демонстрацией силы: Басараб II, протее Яноша Хуньяди, был свергнут с трона и погиб во время битвы.

Венгерский сейм, собравшийся в Буде 15 апреля, запланировал на лето новый поход против турков, несмотря на советы приближённых к королю поляков, которые считали, что в этой ситуации нужно воспользоваться выгодным местоположением султана и заключить мир. Деспот Георгий Бранкович, один из самых богатых землевладельцев в Венгрии, заронил в сербах надежду на возвращение их королевства: несомненно, пример Влада Дракула был заразителен! С другой стороны, конфликт за венгерскую корону с Фредериком III осложнялся, как и защита границ с Богемией. Казалось, и Янош Хуньяди склонялся к тому, чтобы торговать с турками – ведь они предоставляли им хорошие привилегии. Молодой король Владислав, двадцати лет, находился словно между двух огней, и, поскольку у него не было военного опыта, он склонился в сторону мирного договора, убедив папского посла и посла Венеции в своих добрых намерениях.

24 апреля 1444 года венгро-сербское посольство отправилось в Адрианополь. В него входили три представителя: один от короля, второй от Хуньяди, третий от Георгия Бранковича. По прибытии в Адрианополь 12 июня был заключён мирный договор между султаном и Владом Дракулом, который, в свою очередь, восстановил свои отношения с королём Хуньяди. Сложная ситуация была урегулирована Мурадом II:

Тем же (послом короля) было сказано, что с Владом, воеводой валашским, будет заключён мир на таких условиях: вышеупомянутый воевода Влад даст, во-первых, обычную дань, во-вторых, пусть служит службу, за исключением лишь того, что он не обязан более, как то было ранее, лично являться к нашему двору. Таким образом, в знак любви к Вашему Величеству мы принимаем то, что он более не будет приходить к нашему двору, но взамен он должен послать нам залог и возвращать наших подданных, которые убегут на его землю, как и мы обязуемся делать то же самое с его подданными.

Мирный договор был подписан королём Владиславом в Сегеде в конце июля 1444 года не без уступок Мураду II, которые он вынужден был принять из-за необходимости переходить турецкие территории для подавления бунта эмира Караманского.

Влад Дракул добросовестно выполнил обязательства договора, но не желая жертвовать своим старшим сыном Мирчей, отправил к султану двух заложников вместо одного: Влада, будущего Дракулу, и Раду, которым тогда было 14–15 и 5–6 лет соответственно. Но

²⁷ *Галлиполи* – принятое в литературе название города Гелиболу в Турции.

4 августа, меньше чем через неделю после подписания договора, король Владислав, Янош Хуньяди и другие знатные венгры в присутствии папского посла Юлиана Цезарини, кардинала Сент-Анжуйского, 1 сентября торжественно решили начать кампанию против турков. Влад слишком поздно узнал об этом решении. Конечно, это сказалось на отношениях между странами и вызвало дальнейшие проблемы: валашский князь счёл это клятвопреступление личной обидой от Яноша Хуньяди, который тем самым заставил его пожертвовать детьми, не предупредив о кардинальном изменении политики.

В обычное время заложники, посылаемые князем, должны были бы быть отправлены в Адрианополь или Бруссу, как это было в 1432 году, но нарушение мирного договора заставило султана отвезти их как можно дальше вглубь страны, в Эгригоз, нынешний кантон Эмет в провинции Кутахья²⁸.

²⁸ См. османскую хронику Азик-паша-заде. Согласно мнению некоторых греческих, турецких, а также западных историков, сыновья Влада Дракула были заложниками с 1438-го или с 1442 года, когда их отец был пленён султаном. Эта версия ставится под сомнение в связи с Сегедским договором, в котором впервые говорится об отправке заложников. Между тем историки утверждают, что договором от 1444 года Мурад II вернул сыновей Дракула обратно. – *Прим. авт.*

Падение Варны

Очевидно, что Влад Дракул также был призван к участию в кампании при Варне осенью 1444-го. Но князь решил быть верным клятве, которую дал султану: не нападать на него, поскольку речь в этом случае шла о жизни его детей. Кардинал Сент-Анжуйский предложил освободить его от этой клятвы, как и короля Яноша Хуньяди, писал бургундский рыцарь Валеран де Ваврен. Но когда в конце сентября армия крестоносцев перешла Дунай и остановилась в Никополе²⁹, Влад Дракул предстал перед королём Владиславом и объяснил необходимость мира между турками и его страной. Он заявил, что готов участвовать в расходах, и предоставил в распоряжение короля 7000 воинов под предводительством его сына Мирчи. Подтвердив таким образом свою готовность идти на серьёзные жертвы, Влад Дракул предупредил короля и его советников, что султан берёт с собой такое войско, какое даже не снилось армии крестоносцев. Видя решимость молодого короля биться даже в рукопашном бою, князь валахский предложил ему двух лучших воинов и двух необыкновенно быстрых лошадей, как утверждают свидетели: «Если придёт несчастье, положитесь на этих людей и этих лошадей, которые позволят вам вернуться целым и невредимым».

Тем не менее в битве при Варне 10 ноября король не счёл нужным следовать советам Влада и, увидев отступление турок, направился вслед за ними. Именно в этот момент под ним была подстрелена лошадь, а появившийся ниоткуда янычар отрубил ему голову. В ужасе крестоносцы отступили. Янош Хуньяди и его приближённые попытались уйти в Валахию, а кардинал Цезарини исчез, возможно, был убит в битве румынами, соблазвившимися его золотом.

Исчезновение молодого короля Венгрии и Польши повергло всех в шок. А султан Мурад II забальзамировал его голову пряностями, заполнил её хлопком, тщательно расчесал его длинные чёрные волосы, покрасил лицо, чтобы он выглядел живым, и поместил её на конец копья, где также был прикреплен и мирный Сегедский договор. Голову пронесли перед лагерьем союзников, а потом провезли по всем городам империи. Прodelав всё это, Мурад отослал голову султану Каира в качестве трофея. Цвета обуви покойного короля – красный и чёрный – были также взяты оттоманским двором как символ победы.

И всё-таки в тот роковой день валахская армия сражалась достойно. Мирче, который возглавлял её тогда, было около шестнадцати лет, поэтому ему помогал наставник, участвовавший в битве при Никополе в 1396 году и, таким образом, знавший манеру сражения турков. В самый разгар битвы султан отправил Мирче послание с угрозой убить обоих его братьев, если тот продолжит битву: в этом и была причина отступления румын. Влад потерял всякую надежду и считал своих детей мёртвыми. Вот письмо, что он отправил боярам Брашова.

Прошу вас понять меня, я отдал своих детей на расправу султану за мир с христианами, чтобы и я сам, и моя страна по-прежнему принадлежали моему господину, Королю (Венгрии).

Влад Дракул так больше никогда и не увидел своих детей. За это валахский князь хотел убить Яноша Хуньяди своими руками, но тот сбежал из Варны напрямик в Валахию. В следующем году на Дунае появился бургундский флот, он прибыл туда в поисках короля Владислава и кардинала Цезарини, которые, по слухам, были ещё живы. Восемь галер были в Никополе с Яношем Хуньяди и венгерскими войсками под командованием Валерана де Ваврена, Рено де Комфида, Жако де Тойси, а также капитана флота герцога бургундского

²⁹ *Никополь* (Никополе, турецк. Нигеболи) – укрепленный город в Болгарии при впадении реки Осма в Дунай.

Филиппа Хорошего и венецианского кардинала Кондульмьери. На старости лет Валеран де Ваврен расскажет свои воспоминания племяннику, историку Жану де Ваврену, включившему их в *«Хроники Англии»*³⁰, которые и поныне читаются как приключенческий роман. Осады крепостей одна за другой, сражения с турками, искусные манёвры, обнаружения подземных амбаров с запасами бобов, зерна и гороха («и казалось, манна небесная была послана им»). Непрестанные стычки румын и бургундцев за наживу и одежды убитых врагов доходили до такой степени, что кому доставался обрывок одежды, кому шпага, кому ножны, кому лук, кому колчан... И конечно, в книге зафиксированы многочисленные встречи и беседы Влада Дракула и его сына Мирчи.

³⁰ Труд под названием *«Хроники Англии, Шотландии и Ирландии, в четырёх частях»* (*The Chronicles of Englsnd, Scotland and Ireland, in four parts*) вышел в 1578 году. В его составе описание Англии У. Харрисона и написанная Р. Холиншедом история Англии от Ноя до 1575 года, а также описание и повествование о Шотландии и Ирландии. Многие исторические сюжеты в пьесах Шекспира заимствованы из *Хроник*.

Кампания 1445 года на Дунае

Мирча командовал разведывательными войсками, которые шли по берегу Дуная вслед за галерами, то верхом, то на барках, выдолбленных из стволов деревьев. Такие лодки увидел на берегах Дуная Александр Великий в 332 году н. э., они сохранились в Румынии вплоть до 1960-х годов! Ваврен назвал их *tanosques* (листья табака) и утверждал, что они похожи на «длинные и узкие листья, в одном больше валахов, в другом меньше».

Во время этой кампании были осаждены крепости Силистра (*Dristra*), Тутракан (*Tour Turcain*), Джурджу, Русе (*Rossico*)³¹ и Никополь. Бурную радость вызвала у румын огромная бургундская пицаль, которая наносила серьёзные повреждения. Но, не зная, как с ней обращаться, валахи её взорвали.

Двенадцать тысяч мужчин, женщин и детей из крепости Руссе попросили у князя Валахии разрешения поселиться в его стране, что Влад Дракул великодушно позволил. Более того, он сам перешёл Дунай, чтобы перевезти их на галерах через реку. Вся «операция» длилась три дня и три ночи, а бургундцы, удивлённые таким зрелищем, «сказали, [...] что они поступили как египтяне» (тогда речь шла о цыганах). Между тем князь Влад Дракул, страна которого была мало заселена, особенно на окраинах, очень обрадовался такому повороту событий.

Он сказал, что среди болгар много храбрых воинов, поблагодарил кардинала и господина Ваврена, одарил их и признал, что сейчас священная армия Святого Отца Нашего (Папы) и герцога Бургундского³² спасла одиннадцать или двенадцать тысяч душ и тел христиан от сарацинов, а это кажется ему очень большой заслугой.

Джурджу был завоёван практически полностью, там ситуация оказалась более драматической. Турки согласились вернуть крепость жителям в обмен на гарантии сохранности армии и их жизней. Тогда Мирча попросил встречи с Валераном де Вавреном и рассказал ему, что предатели, которые обманули его отца и дали ложные клятвы, а в 1442 году помогли поймать его, находятся среди осаждённых. И добавил:

«Мой отец отправил меня воевать и сказал, если я не отомщу, он отправит меня обратно и отречётся. [...] Я вижу около двух тысяч валахов в двух лье отсюда, они переходят реку, а на этом берегу расставлены засады и ловушки. Когда же они будут в Никополе, я встречу их и всех убью».

Ваврен ничего не ответил, т. к. понимал и одобрял этот акт мести. Позже он описал это достаточно холодно:

[Привязав лошадей за хвосты, турки переходили через Дунай на болгарский берег]. Но проходили они мимо галлов вероломно и трусливо: держали в руках натянутые луки и щиты на шее, показывая, что если те издадут хоть звук, то им не жить. Так они перешли Дунай и вошли в Болгарию.

Турки спустились ниже по реке и дальше поехали верхом. Им удалось проехать совсем немного: сын валашского князя устроил засаду и убил всех до одного. Даже несмотря на то, что он хотел взять живым предателя отца, мститель своей рукой снёс ему голову, напомнив о предательстве. Когда

³¹ Силистра, Тутракан, Руссе – ныне болгарские города на правом берегу Дуная, исторические центры.

³² Жан Бургундский (Бесстрашный) (?–1267) – влиятельный французский дворянин, герцог, дядя короля Карла VI.

валахи забрали всю добычу, то спустили обнажённых турков в воды реки вниз по течению – это было жуткое зрелище для галлов, которые шли впереди.

В конце концов галеры прибыли в Никополь 12 сентября. Встреча с венгерской армией была назначена на 15 августа, но Янош Хуньяди так и не появлялся. Было принято решение осадить Никополь и штурмовать башню, где укрывались войска, грабившие Валахию. Валеран де Ваврен был ранен и болел. Именно тогда наставник Мирчи нанёс ему визит и напомнил о событиях 1396 года.

Опустив оружие, наставник сына валашского князя, которому было восемьдесят лет, пришёл к господину Ваврену и сказал: «Около пятидесяти лет назад король Венгрии и герцог Жан Бургундский (Жан Бесстрашный) осаждали этот город, в трёх лье отсюда была битва. Могли бы вы подняться с кровати, спуститься и прийти на то место? Я покажу вам его и расскажу, как проходила осада». И господин Ваврен, одетый в ночные одежды, спустился к месту битвы. Вот что сказал ему наставник, стоя перед высокой круглой башней: «Смотрите, здесь стояли король Венгрии и венгры. Здесь был французский коннетабль, а здесь герцог Жан». Башню эту, как он сказал, герцог начинил взрывчаткой, чтобы поджечь её, когда придут биться новые воины. Но господин де Кусси [Энжеран де Кусси]³³ пленил упомянутого герцога, ведь в его распоряжении были шесть тысяч турок, которые пришли сражаться с крестоносцами. Чтобы сократить рассказ, он продемонстрировал де Ваврену битву, как он был пленён турками и продан в рабство в Генуе, где выучил язык. И тогда де Ваврен поверил всему, что сказал и показал ему наставник».

Тем временем появился Янош Хуньяди со своими войсками. Предписанием военного совета было решено прекратить осаду Никополя, которая могла затянуться, и подниматься вверх по Дунаю до реки Джу, где венгры уже приготовили плот, чтобы перевезти людей и вещи. Приближался День святого Михаила (29 сентября), и венгры продолжали настаивать на том, что будут сражаться с турками. В конце концов войска султана, стоявшие на правом берегу Дуная, отступили, сжигая за собой всё, Янош Хуньяди отказался преследовать их, опасаясь ловушек. Он считал, что после гибели короля Владислава при Варне на нём лежит ответственность за королевство, знать и простых людей Венгрии.

Без серьёзных кровопролитий закончилась кампания 1445 года, возглавляема бургундским флотом и валашской армией. Янош Хуньяди посоветовал галерам уйти до того, как замёрзнет Дунай, а это было около 1 октября, и венгры спокойно ушли в Трансильванию. Валеран де Ваврен и его спутники невредимыми добрались до Константинополя, где император Иоанн VIII Палеолог встретил их радушно и щедро одарил. К этому моменту они уже завоевали Венецию, откуда на лошадях отправились в Рим, потом в Лилль, где герцог Бургундский узнал об их путешествиях.

³³ Энжеран де Кусси (1191–1242) – влиятельный французский дворянин, герцог.

Конфликт с Яношем Хуньяди и смерть Влада Дракула

Итак, Влад Дракул остался один перед угрозой возможного ответа турков, но его не последовало. Мурад II отступил в Среднюю Азию и все дела в Европе оставил на своего сына Мехмеда, будущего завоевателя Константинополя. Мурад II вернулся к делам лишь осенью 1446 года и, подписав мирный договор с Венецией, освободил силы и время для сражений в Греции, которые продолжались до зимы 1446–1447 года. Следующее лето султан провёл в Адрианополе, а Влад Дракул, поскольку всё ещё был в прохладных отношениях с Яношем Хуньяди, решил снова заключить мирный договор с турками. Договор восстановил ситуацию 1444 года, так что валахский князь вынужден был выслать в Болгарию четыре тысячи человек, а мы помним, что Валеран де Ваврен в 1445 году насчитал почти двенадцать тысяч.

В июне 1446 года Янош Хуньяди был избран главным правителем Венгрии от имени короля Ладислава Постума, которому не было ещё и семи лет. Именно в этой роли он занимался подготовкой нового серьёзного похода против турков. Что касается измены Влада Дракула, то его, очевидно, разозлил не столько сам факт, сколько своеобразное провозглашение независимости Валахии от Венгрии. Формально Венгрия и Османская империя находились в состоянии войны, даже если в этот момент противники ограничивались лишь наблюдением за передвижениями друг друга, – так что такие рассуждения Хуньяди не были лишены логики.

Ещё одна причина провоцировала конфликт между Хуньяди и Владом Дракулом, она затрагивала интересы их обоих: речь шла о денежном обращении между двумя странами. И действительно, в 1383–1386 годах князья Валахии выравнивали свои монеты по венгерским, валахские серебряные дукат и бан соответствовали денье (динару) и венгерскому оболу. Это было очевидным показателем подданства. В то же время соседняя Молдавия, подданная Польши, подстраивала свою монету под деньги Северного королевства. Как следствие, возникало увеличение финансовых потребностей, особенно в период политических кризисов (войн и т. д.), что вынуждало государства увеличивать выпуск металлических монет, чтобы оплачивать наёмных рабочих, чиновников, финансировать укрепления и т. д. Поскольку резервы драгоценных металлов (или золота) были ограничены, монетные дворы уменьшали пропорции этих металлов, добавляя в них медь, свинец, но тем не менее заявляли курс неизменным (по отношению к золотой монете). Соответственно, новые монеты фактически были более выгодными. Старые были изъяты из обращения и обменены на новые по официальному курсу. В результате обмена, естественно, произошли потери: речь шла о налоге, который невозможно было утаить, если не переплавить монеты в массу драгоценного металла.

Что касалось международных обменов (обе страны использовали одинаковые монеты), то самыми большими налогами облагались более стабильные монеты, а слабые должны были принимать курс остальных. Единственный нюанс состоял в том, что большое количество нестабильных монет реализовывалось тайно, и стало очевидно, что вассальная страна теряла большую часть стоимости монет, которые активно вывозились за рубеж³⁴.

³⁴ Это мы находим в приложении закона XIV века, когда граф Фландрии Людовик Малль (1347–1384) провозгласил независимую от Франции денежную систему. Его противник, Филипп де Арди, заключил в 1384 году договор о внутреннем курсе между двумя странами. Но граф Фландрии тайно выпустил свои деньги и распространил их по региону. – *Прим. авт.*

При Сигизмунде Люксембургском (1387–1437), Альберте Габсбурге³⁵ (1438–1439) и его супруге Элизабет, Владиславе I (1440–1444) и при правлении Яноша Хуньяди (1444–1452) обесценивание венгерской монеты провоцировало уменьшение ценности динара. В 1436-м один золотой флорин приравнялся к 500 динарам. Сигизмунд Люксембургский отдал приказ выпускать новый динар по курсу 100 динаров за один флорин, но обесценивание продолжилось: в феврале 1441 года за один флорин можно было получить 220 динаров, а в июле и того больше – 300 динаров. Это сильно повлияло на Валахию и её экономику: Влад Дракул начал срочные финансовые реформы. По нашим сведениям, он стал первым князем этой страны, кто обратил внимание на эту сферу. Во-первых, Дракул постарался прекратить экспорт монет и драгоценных металлов; во-вторых, запретил массовый выпуск «смешанных» монет. Сделав это, он спровоцировал конфликт с торговцами Брашова и Сибиу, а потом и лично с Яношем Хуньяди, который поддержал их.

Тогда-то Влад Дракул и совершил политическую ошибку – он прекратил в своей стране обращение венгерских монет³⁶. В отместку Хуньяди развязал вооружённое столкновение на юге Карпат, а Влад Дракул и его сын Мирча были пойманы и казнены. Все эти события происходили между 23 ноября и 4 декабря 1447 года. К этому времени Янош Хуньяди из Тырговиште, столицы Валахии, издал указ, где провозглашал себя правителем Венгрии и, милостью Божьей, воеводой Валахии (*parcium Transalpinarium*). Два месяца спустя, 1 февраля 1448 года, по возвращении в Трансильванию он вознаграждал одного из своих верных подданных за пролитую кровь врагов, одним из которых и был «неверный Влад, воевода Валахии».

³⁵ Альберт Габсбург (1397–1439) – король Хорватии, герцог Австрии (Альберт V), герцог Люксембурга (Альберт Австрийский).

³⁶ Это следует из письма Яноша Хуньяди в Брашов 29 февраля 1448 года: «Ввиду того, что мы решили выпустить нашу монету в обращение в Валахии, наравне с тем, как и здесь...». – Прим. авт.

Владислав II на троне Валахии

На трон Влада Дракула Янош Хуньяди посадил сына Дана II, Владислава II, который, казалось, уже упустил свой шанс в июне – июле 1447 года. Вторжение Хуньяди в Валахию последовало за молдавской кампанией, где венгерские войска восстановили на троне князя Петра II (между 23 февраля и 5 апреля 1448 года). В знак признательности за помощь новый молдавский князь уступил своему защитнику крепость Килиа в устье Дуная, на берегу северного притока Сфынту-Георге (*Sfantul Gheorghe*).

Крепость, которая была спорной между Валахией и Молдавией, отныне стала венгерской и должна была использоваться в качестве форпоста в новой войне с турками. 29 июня 1448 года, в День святых апостолов Петра и Павла, султан Мурад II попытался напасть на Константинополь со стороны моря флотом в шестьдесят пять кораблей. Но византийцы отразили атаку, а османский флот поднялся по восточной части Чёрного моря и осадил Килиа, стратегическая ценность её была настолько высокой, что Баязет II спустя несколько десятилетий назовёт её «ключом от всей Молдавии, Венгрии и Дуная». Войска османов высадились на берег, чтобы осадить Килиа, но венгерский флот, подоспевший вместе с румынскими войсками, нанёс им сокрушительный удар, и их корабли пошли ко дну.

Но сражение под Килиа стало лишь разминкой перед решающей битвой, к которой противники тщательно готовились. И снова инициатива исходила от Хуньяди. В сентябре 1448 года он снова перешёл Дунай во главе армии, собранной в Трансильвании и Венгрии; к ней присоединились три тысячи молдавских конников, валашские войска, их возглавлял Владислав II, четыре тысячи отличных лучников.

Но общим числом войска турков всё равно превосходили. Рассказывают, что, увидев османский лагерь, Хуньяди написал письмо султану следующего содержания: «Султан, у меня не так много людей, как у тебя, но, несмотря на это, знай, они хороши в бою, верны, честны и храбры». На это Мурад II ответил: «Янош (*Iancu*), из колчана простых стрел и шести позолоченных я выберу обычный, но полный!» Сильвио Пикколомини, будущий папа Пий II, написал, что Хуньяди взял в плен турецкого шпиона, а потом, по примеру Сципиона, отпустил его целым и невредимым, предварительно показав ему лагерь!

17, 18 и 19 октября Яношу Хуньяди вновь предстояла встреча с войсками Мурада II при Константинополе, и снова победа была у турков. После ожесточённой битвы султан приказал собрать с поля боя головы побеждённых и сделать огромную пирамиду по старинному азиатскому обычаю, существовавшему вплоть до XIX века...

Хуньяди удалось бежать, переодевшись в простого солдата, тем не менее он был пойман подданными сербского деспота Георгия Бранковича, который теперь был союзником турков. Свободу Янош Хуньяди обрёл лишь после уплаты огромного выкупа. Что касается Владислава II, его ждал ещё более неприятный сюрприз в Валахии: за время его отсутствия трон страны был занят сыном Влада, валашского воеводы, который так напоминал турецкого воспитанника. Этим человеком был Влад Дракула...

Глава третья

Первое правление и новое изгнание

Дракула впервые захватил трон своих предков в восемнадцать или девятнадцать лет, столько же было Мураду II и Мехмеду II, когда они получили Оттоманскую империю. Но в отличие от этих правителей у Влада к тому времени было гораздо больше опыта в результате его трёх-«странного» детства: сначала Сигишоара, саксонская Трансильвания; позже – Валахия, там прошли его лучшие годы и взросление; и, наконец, Оттоманская империя, Анатолия и Адрианополь, где он жил до 1444 года.

Детство в Трансильвании

Из этих трёх миров, таких разных как внешне, так и внутренне, Трансильвания стала средой его ранней юности. Рождённый в Сигишоаре сын князя привык к городской жизни. Сигишоара, построенная на холме (откуда она и получила своё название – *castrum Seg* – «город на холме» по-венгерски, откуда пошло *Segsburg*, потом *Schassburg*), казалось, была замкнута в своих городских стенах, скрывавших верхний город, а четырнадцать квадратных или многоугольных башен защищали укрепления. Вторая стена города, построенная в конце XV века, защищала нижний город. Население во времена Влада составляло около двух тысяч человек, намного меньше, чем в Брашове (примерно шесть тысяч) и в Сибиу (около четырёх тысяч). По данным первой переписи населения, в конце XV века Сигишоара насчитывала 638 семей, т. е. около трёх тысяч человек. Семьи в большинстве своём состояли из саксонцев (по-латински *hospites*) – шестьсот семей; остальные были *inquilini* (двадцать семей), крестьяне с небольшими наделами земель или вовсе без них; девять бедных семей (*pauperes*); четыре семьи пастухов; три – слуг и одна семья мельника. Сигишоарой управлял королевский судья (*Konigrichter*), разделивший своё министерство на шестнадцать свободных сообществ, которые формировали суд (*Stuhl*). Наряду с ним в городе были мэры и муниципальный совет, состоящий из двенадцати сенаторов (мудрых и пожилых людей), они выбирались горожанами для улаживания административных дел. В 1431–1432 годах королевским судьёй был некий Якоб (*Jakobus*) Краус, вероятнее всего, *greav* (слово, образованное от немецкого *Graf* – граф), но в 1456 году эта должность уже перешла к каменотёсу или плотнику Валентину Долеадору.

Население говорило на нескольких германских диалектах или говорах, в общем названных «саксонскими» и происходящих из западной Франконии. Говор был единым для тридцати пяти деревень³⁷, принадлежавших трём церковным капитулам³⁸.

Большинство жителей Сигишоары были ремесленниками и торговцами, поскольку город находился на торговом пути, который соединял область секлеров с Сибиу и долиной Муреш, плодородной местностью с великолепными виноградниками. Тексты начала XVI века предоставляют общие сведения о роде занятий жителей Сигишоары: в основном это были сапожники, бондари, слесари и изготовители шпор, вырезальщики из дерева, кузнецы, скорняки, ткачи, перчаточники, тележники, литейщики колоколов из металлов, золотых дел мастера, кожевники, шорники, седельные мастера, верёвочники, каменщики, плотники, мясники, изготовители сукна, ножовщики. Город получил привилегию проводить ежегодные ярмарки перед постом в воскресенье после Троицына дня. Особенно оживлялись трансильванские купцы, но в 1433 году коммерческие привилегии получили и в Молдавии.

Эти ремесленники и купцы посылали своих сыновей учиться в немецкие университеты в Вену и Краков: так в период между 1377 и 1530 годами не менее девяноста пяти молодых жителей Сигишоары были отмечены в архивах двух университетов (пятьдесят семь в Вене и тридцать восемь в Кракове). После учёбы, получив дипломы, они вернулись в свою страну, чтобы заняться там юридическими и административными делами.

³⁷ Названия деревень, зависящих от Сигишоары, происходят от имён первых владельцев и основателей местности: *Henndorf / Hagindorf* – деревня Хагино (1297), *Bodendorf / Bundorf* – деревня Бодо (1337), *Schassburg / Seg* означает «холм» на венгерском, *Denndorf / Dalia / Dallendorf* от *dalle, delle* («укрепление»). Были и трансформации, наподобие *Niedhausen / Nethus* от слова *nith* – «немилость» (1309), *Halwelagen / Huldunlach* происходит от венгерского *holdvilag*, означающего «свет луны». – Прим. авт.

³⁸ *Капитул* (позднелат. *capitulum*) – в католической и англиканской церквях совет духовных лиц при епископе, участвующих в управлении епархией.

Несмотря на существование немногочисленных сословий очень богатых и очень бедных горожан, между жителями была солидарность, а общее благополучие и страсть саксонцев к строительству удивляла и восхищала иностранных путешественников. Кроме того, укрепление города, которое началось в Сигишоаре в конце XIV века, продолжалось и во времена Влада Дракулы. Была построена церковь Святого Николая на вершине холма (1345–1515), церковь при лепрозории в нижнем городе, а также возводились жилые дома.

В середине XVI века высокопоставленный венгерский сановник родом из Далмации Антуан Веранжич так описал «саксонскую нацию»:

Они до наших дней сохранили обычаи и язык своих предков. Они активны и работящи, применяют свои знания в управлении городом, коммерции и прикладных искусствах. Они забыли о грабежах и набегах варваров. Полезную и простую пищу они предпочитают утончённой и изысканной, внимательны друг к другу и очень ценят блага семьи, как и любая другая нация региона, не желая чужих благ, они довольствуются своими. Они жаждут строить, культивировать земли, сажать виноградники, так что никакая часть Трансильвании не была так красива, как саксонская. И король Венгрии, видя это, дал им право обнести укрепления стенами.

Налоги с них брали каждый раз, когда того хотел король, и саксонцы платили спокойно и без роптаний [...] Они сражались пешими, защищались за стенами своего города, а не на открытой земле. Именно поэтому во время приездов короля они предпочитали отдавать дань мирно, чем биться.

Несколько лет спустя, к 1566–1567 годам, итальянец Джованни Андреа Громо отметил, что Сигишоара – «весёлый, здоровый и торговый» город, в котором есть школа рядом с церковью, с прекрасными преподавателями по всем предметам и наукам. Эта школа, впервые упомянутая в 1522 году, видимо, существовала и до этого (известно, что в XV веке в шести деревнях было не менее восьми школ) и активно поддерживалась обществом.

Более того, кроме обычаев и языка, саксонцы отличались от других 240 городов и деревень Трансильвании своим внешним видом. Вот одно из самых древних из дошедших до нас описаний их одежды:

Мужская одежда похожа на венгерскую: они тоже любят просторные плащи и туники. Некоторые спокойно носят в летнюю жару одежды с подбивкой из лисьего или волчьего меха. Священники носят пурпурные одежды с красным или голубым поясом, тёмный плащ, называемый «преподобным» [...]

Одежда женщин весьма неприспособлена к жизни. Платья узкие, стесняют движения и имеют лишь несколько складок на спине, открытыми остаются только затылок и шея до плеч. Грудь украшают позолоченными пластинами из серебра, усыпанными драгоценными камнями. Эти пластины столь тяжелы, что когда женщины или девушки наклоняются, то их грудь приоткрывается, являя взорам присутствующих то, что заставляет стыдиться и испытывать запретные желания. Они не украшают голову ни венками, ни лентами – волосы спокойно спадают на плечи. Тем не менее они носят диадемы из чистого шёлка или серебра, похожие на венки. Замужние женщины одеваются в объёмные чёрные платья без всяких складок. Также они носили длинные плащи с подбивкой из заячьего меха, без подкладки, а голову прикрывали шапочками из красной или белой ткани. Вдовы и пожилые женщины покрывали головы лёгким полотном.

Политика саксонцев Трансильвании под началом венгерского королевства служила примером средневековой демократии. Объединение сановников-юристов, администраторов девяти деревень и двух саксонских регионов (Брашов и Бистрица) носило название *Universalis Saxonium*. Представители суда собирались один раз в год, 25 ноября, и обсуждали общественные интересы. В их обязанности входило внесение фиксированной суммы в королевскую казну один раз в год, на День святого Мартина, уплата церковной десятины, предоставление некоторого количества воинов для королевской армии (подлежало откупу деньгами), обеспечение резиденции короля и воеводы Трансильвании, а позже своих послов и послов других стран. Со своей стороны король обещал обеспечить своим благородным подданным владения на саксонской территории.

Саксонцы очень дорожили своими привилегиями, к которым добавилось право укреплять свои города после набега турков в 1385 году, а также церкви и деревни, что приведёт в конце концов к появлению оригинальной саксонской архитектуры (*Kirchenburgen*). Более того, были и торговые привилегии, способствовавшие благосостоянию Брашова, Сибиу и Бистрицы, но об этом мы поговорим дальше.

В этом мире, настолько контрастировавшем с окружающей жизнью, Влад Дракула воспитывался и осознал ценность солидарности, силы общества, гражданских прав и равноправия, не без доли эгоизма и презрения к другим людям, особенно румынам, с которыми ему придётся иметь дело дальше.

Юношество в Валахии

Большую часть своего юношества Влад Дракула прожил в Валахии, в условиях, сильно отличавшихся от детских. Восхождение его отца на престол совпало с периодом взросления Влада – от детства (*puer*) к юношеству (*adulescens*), когда он покинул женское общество (мать, кормилицы, служанки) и вошёл в общество мужчин. Для Влада это было связано с исчезновением из его жизни матери (или с разводом его родителей), что могло нанести ему психологическую травму. Разлука с матерью в таком возрасте может частично объяснить некоторые черты характера Влада, такие как суровость и нечувствительность к страданиям других, а особенно – ужасные пытки и расправы, которые он применял к женщинам, детям и младенцам. Как бы то ни было, присутствие рядом с ним отца и мачехи, молдавской княжны (Марины?), родившей потом двоих детей – Раду и Александру, помогло ему войти в этот мир.

Первое, что сделали тогда родители, – выбрали гувернёра, или наставника. По правилам это должен быть человек в возрасте, с достаточным жизненным опытом и авторитетом. В его ведение входило образование юноши и поиск преподавателей по разным предметам, которым должен был научиться сын князя. Имя наставника Влада до нас не дошло. Не знаем мы и имени того, кто воспитывал его брата Мирчу, но по предыдущей главе можно судить о его характере. Это был знатный человек в возрасте «около восьмидесяти лет» (в 1445 году), служил под началом французского маршала Энжерана де Куси во время кампании в Никополе в 1396 году.

Таким [уточняет Валеран де Ваврен, который встретил его в Никополе в 1445 году] был помощник господина Куси, всегда приводивший к нему добровольцев из валахов, какие знали дороги Оттоманской империи. Этот наставник уважал господина де Куси и, как говорили, накануне бился с шестью тысячами турок, которые неожиданно появились перед христианами.

Турки пленили его и продали на генуэзском рынке, где он выучил итальянский, а точнее *lingua franca* города Леванта, что и позволило ему без переводчика общаться с Вавреном. Можно предположить, что пожилой наставник некоторое время скитался по Леванту, пока наконец не обрёл свободу и не вернулся в свою страну. Действительно, в 1336 году генуэзцы владели небольшими торговыми фирмами: на Чёрном море в Каффе (Феодосии) в Крыму, Трабзоне и Пера (по другую сторону от Константинополя) и на Хиосе (турецкий город в Эгейском море). Между 1381 и 1408 годами в Генуе не было ни одного румынского раба (было всего восемь болгар и один венгр), так что интересующий нас человек, видимо, остался в Пера или другой генуэзской колонии на Чёрном море.

С другой стороны, возможно, у Мирчи и Влада была совсем небольшая разница в возрасте, и наставником мог быть один и тот же человек – тот, кого встретил Валеран де Ваврен. Но должность воспитателя сына воеводы при дворе не могла быть совмещена с каким-либо саном: например, мы знаем, что у Миклоша Патрашку, сына валашского князя Михаила Храброго (*Mihail Viteazul*, 1593–1601), гувернёром был Андроник Кантакузен (1553–1601), важный банкир из Стамбула, родом из русской княжеской семьи XVI века. Андроник организовал финансовую поддержку, которая позволила Михаилу Храброму подняться на трон, а потом был отправлен в Валахию, где занимался вопросами королевской казны. Что касается воспитателя Влада и Мирчи, то мог ли это быть «верный слуга» Влада Дракула, некий Ионас (*Ionas Viteasul*), завоевавший доверие князя во время его пребывания в Сигишоаре? *Viteaz* на современном румынском означает «храбрый», а первоначально имело то же значение, что и латинское *miles* (профессиональный воин), что вполне подходит нашему герою. Отметим

также, что это слово встречается в румынских странах с 1396 года: *Neagu Viteazul* также был отправлен своим князем на гору Атос, а позже стал придворным в Валахии. В Молдавии в конце XIV – начале XV века среди членов княжеского совета мы встречаем даже больше одного *viteaz*. Князь Этьен Великий Молдавский (1457–1504) даже награждал званиями *vitezi* (множественное число от *viteaz*) прямо на поле битвы сразу после победы. Впрочем, так же поступал и Влад Дракула.

Наставник, таким образом, полностью отвечал за княжеских детей, которых он обучал воинскому делу, конному спорту и т. д. В германском мире основное внимание уделялось развитию физических качеств, называемых *sieben Behendigkeiten* (семь физических искусств): верховая езда, плавание, владение оружием, метание копья, борьба, состязание, охота. Можно предположить, что Влад Дракул, получивший при дворе Сигизмунда Люксембургского хорошее воспитание, хотел привить своим сыновьям те же знания, несмотря на то что в румынском обществе были приняты другие традиции.

Верховая езда была первой дисциплиной, которой обучали в то время. Лошадь была единственным средством передвижения, так что за ней нужно было уметь ухаживать. Перед варнской кампанией Влад Дракул лично подарил двух знаменитых румынских лошадей королю Владиславу. Кастрированный, добрый и послушный конь назывался по-французски «*hongre*» (венгр), а по-немецки «*Wallach*» (валах) – географическая определённость его была точно выражена. Два румынских государства, Валахия и Молдавия, принимали участие в кампании *descalcat* (спуск с лошади), название ей дал термин, произошедший от латинского *deex-caballicare, dis-caballicare*. Кроме того, Валахия была обязана дарить на каждую коронацию нового венгерского короля по одной лошади на семью, а до этого «такса (налог) на лошадь» была податью, её отдавали князю простые свободные крестьяне, у которых были земли. На первый взгляд ничего особенного в этих лошадях не было – низкорослые, мохнатые. Тем не менее они очень быстро разгонялись, были очень выносливыми, могли довольствоваться совсем небольшим количеством еды. Конюшни князей и богатых людей были заполнены и турецкими, и арабскими, и заграничными парадными скакунами, но для сражений воины предпочитали своих лошадей.

Армии, которые отправляли князя в военные походы под предводительством Яноша Хуньяди, формировались, как мы уже отмечали, из хороших наездников. Лишь лёгкая кавалерия могла быть козырём против турок и монгол. Ещё в Античности предки румын боялись стрел даков, так же как теперь – этих лошадей, пущенных галопом... Румынские воины предпочитали жёсткие луки с ручкой из трёх частей, перенятой у монголов в Средние века. В 1445-м Валеран де Ваврен восхищался валашскими воинами, преследовавшими их флот на Дунае. Он был впечатлён громкими криками, которые они издавали, чтобы походить на животных. Но Влад Дракула и в этом не был ни на кого похож: в 1462 году он атаковал султана Мехмеда II ночью, тихо, прямо в сердце лагеря, и нанёс ему тогда сильные потери. Обучение верховой езде совмещалось с навыками сражения в седле, состязаниями на копьях, на румынском языке это называлось *harta* – термин, появившийся от французского «*harcelement*» (преследование). Румынская баллада XVII века описывает сражение бояр, которое разворачивалось на глазах у их слуг:

...И началась *harta* (верхом, галопом) / мечи сталкивались, / копья изгибались, / оружие ломалось, / воины распалялись, / и крики везде раздавались.

В XVI веке существовала турецкая игра *gerid*, на румынском – *halca*, суть которой заключалась в том, чтобы на полном скаку попасть копьём в кольцо. Такие забавы не были распространены в румынских странах, но нам известно, что в 1412 году румынские воины

участвовали в турнире, организованном в Буде Сигизмундом Люксембургским. Кстати, в могиле, скорее всего принадлежавшей Владу Дракуле, была найдена корона с турнира, а на его руке был женский перстень. Специалисты считают, что он мог появиться после турнира!

Другой вопрос об образовании княжеских сыновей в Валахии касается длительности теоретического обучения. Очевидно, что Влад Дракула не умел ни писать, ни читать: не сохранилось ни единой буквы, написанной его рукой, ни единой подписи, ни монограммы. Первый автограф валашского князя, известный историкам, датируется 1534 годом, но это был Влад Монах (1482–1495), незаконный сын Влада Дракула, который, будучи монахом, умел писать и читать. В то время старославянский язык был языком культа и культуры, как латынь и греческий. Он использовался в хартиях и переписке князей Валахии до XVII века, так же как и у сербов, болгар, русских и украинцев. Переписка же с саксонскими городами в Трансильвании иногда велась на латыни. Говорил ли Дракула на этих языках? Единственное, что мы можем сказать точно, – он говорил на турецком: научился, когда находился в вынужденном заточении на территории Оттоманской империи. Остальное остаётся всего лишь предположением.

Что касается его возможных познаний в области религии, то они, скорее всего, ограничивались отрывочными сведениями о православной теологии, природе и величии королевской власти, как, например «избранность Богом» и таинство миропомазания.

Из области политики молодой князь должен был знать все церемонии при дворе, какую роль играют правители в жизни страны, вникать в серьёзность их конфликтов, осознавать недолгосрочность правления на троне и обязан был понять подданское положение Валахии по отношению к Венгрии и Оттоманской империи. К этому добавляются изгнание его отца, стремившегося к трону в Трансильвании, и воспоминания о великих предках. Портрет деда Мирчи Старого, одетого по-восточному, в королевской короне с двуглавыми орлами на костюме и гербом императоров Константинополя, изображённого в полный рост, украшал величественные стены дома. Жизнь и военные подвиги деда, умершего задолго до рождения Влада, должны были способствовать его успешному обучению. Впрочем, время изменилось, и ушли в прошлое такие долгие правления, как во времена Мирчи (32 года) или Александра Доброго Молдавского (32 года).

Заложник в Османской империи (1444–1448)

Начиная с 1444 года, в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет, Влад Дракула не по своей воле попал в третью среду формирования своей личности – в османский мир Средней Азии, Адрианополь, потом в Европу. Общество, где он теперь находился, очень сильно отличалось от того, к чему уже успел привыкнуть. Одежда, язык, религия, обычаи – всё было чужим. Он был удивлён тому восхищению, с которым все относились к султану: все вокруг были его рабами и были обязаны ему всем. По приказу султана самые высокопоставленные люди могли мгновенно впасть в немилость, быть изгнанными, казнёнными, их богатства могли быть изъяты – и никто не мог противостоять. Вся жизнь и церемониал демонстрировали благоговение к султану, он был окружён лишь ограниченным количеством самых верных людей, большинство из них были янычары.

Этот уклад впечатлил Влада, т. к. он сам привык к превосходству старейшин (*jupan*) и их кланов, к их воинственному духу, их гордости и силе. По их отчётам валахским князьям особенно ярко видно принципиальное различие его родной страны и Османской империи: нестабильность валахского трона, постоянные перемены князей с 1420 года в противовес спокойной, идущей как по маслу политической жизни в империи. В Валахии новые люди могли добиться чего-то, показав себя в сражениях, но господствующей всё равно оставалась местная аристократия. Превосходство во многом объяснялось экономической и военной силой кланов, которые обладали обширными земельными владениями. Количество кланов, их первоначально было пять или шесть на всю Валахию, увеличилось к XIII и XIV векам. Похоже, речь шла об опустившихся *knezes* и воеводах государства. Этим кланам удалось сохранить свои владения и даже увеличить их с помощью брачных союзов, завоевав силой или же получив в подарок от князей. Между тем количество свободных владельцев (*monseni* – «наследник, собственник по наследству») уменьшалось. Например, если боярин признавался в измене своему князю, то его имущество изымалось, но таким образом, чтобы оно возвращалось другому члену его клана. Новый князь всегда мог отменить конфискации, а обычаи, устное, неписаное право предусматривало, что князьям было запрещено продавать деревни, принадлежавшие боярам.

Религия мусульман, их обычаи, любовь к справедливости не могли не заинтересовать Дракулу. При дворе султана, где он жил по меньшей мере год, он наблюдал необыкновенное разнообразие национальностей, которые и составляли окружение из «верных»: это были благородные люди из известных турецких семей Анатолии, где жили беглецы из Греции, Сербии и Албании, арабы и африканцы, итальянцы, персы и т. д. Любовь турок к войне, лошадям и Богу создавала странную, псевдогероическую атмосферу. Империя завоевала огромные территории и людей, ресурсы страны были настолько богаты, организация и функционирование политической власти были настолько отработаны, что почти невозможно было представить её побеждённой или хотя бы потерпевшей поражение в битве. Казалось, у султанов где-то в Азии был неиссякаемый источник человеческих ресурсов. Города, ремесленники и торговля процветали, крестьяне жили гораздо лучше, чем в христианских странах. Даже христиане, которые назывались *dimmi* (неверные защищённые), не хотели покинуть земли султана. В конце концов, вопреки существовавшему мнению, турки не заставляли христиан силой обращаться в мусульманство: они могли оставаться христианами и пользоваться доверием султана и высших сановников. Этот момент многие греки и итальянцы отметили в своих записях.

Можно предположить, что с 1447 года, когда Влад Дракул заключил мир с султаном, его дети и были отправлены из Эгригоза ко двору Мурада II. Влад Дракула и его сводный брат Раду увидели всю полноту османской власти. Георг из Венгрии, который жил в Тур-

ции двадцать лет (с 1438 по 1458 год), описал жизнь молодёжи при дворе султана. Детей делили на группы: пленные на войне, дети христиан «подобранных» (это литературный термин для турецкого слова *devsirme*), их можно было сделать янычарами, заложниками стран-должников и т. д.

Помимо служителей, отмеченных выше, те, кто показал особые качества, назначались на более высокие посты в королевстве. Таким образом, все сановники и князья королевства были, по сути дела, назначены королём (султаном) и не были господами или собственниками земли. Как следствие, король был единственным господином и единственным собственником, который мог распоряжаться в своём королевстве, раздавать и управлять благами, а остальные были всего лишь исполнителями, администраторами и слугами, выполнявшими его волю и приказания [...] Именно поэтому в его королевстве, несмотря на многочисленность населения, не были возможны оппозиция или сопротивление. Наоборот, все как один подчинялись власти одного человека, служили ему неустанно, и никто не осмеливался усомниться в его власти. Если кто-нибудь самовольно начинал заниматься каким-либо делом, об этом тут же узнавали и докладывали ко двору. Когда это происходило, во власти короля было решать: послать ли его в тюрьму, казнить, продать или превратить в раба, совершенно не принимая во внимание его положение в обществе или личность.

Влада вдохновила такая модель общества – открытая, динамичная, настоящая меритократия на службе у единственного монарха. Он пытался применить это в Валахии во время своего длительного правления с 1456 по 1462 год. Отсюда и возникло понятие «революция», которую увидел в действиях Влада Дракулы его современник Халкокондил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.